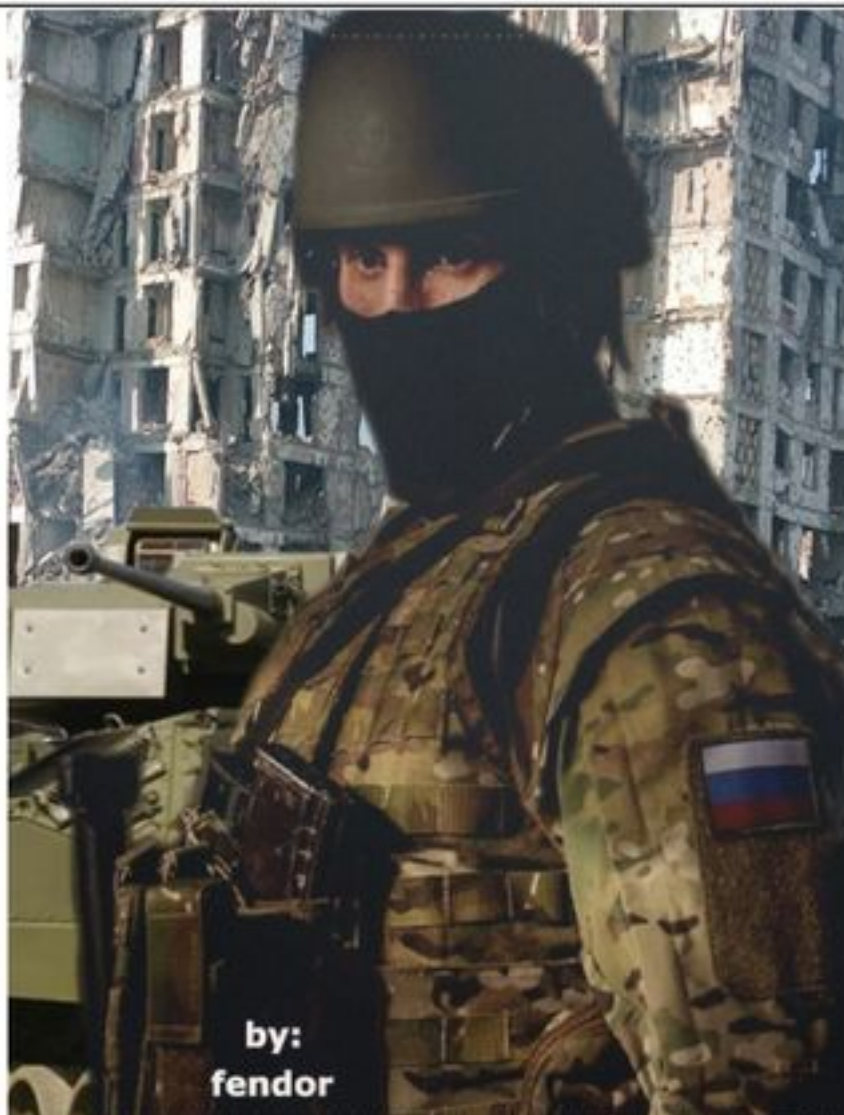

Федор Рублев

Очкарик

Боевик. Альтернативная история

Федор Рублев

**Очкарик. Боевик.
Альтернативная история**

«Издательские решения»

Рублев Ф. Н.

Очкарик. Боевик. Альтернативная история / Ф. Н. Рублев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850058-9

Два ученика музыкальной школы попадают под ракетный удар. В оккупированном иностранными войсками городе, в результате цепи случайных и не очень событий, ребята попадают в подразделение Росгвардии, руководимое майором Шиловым. В составе группы, выросшей в партизанский отряд, мальчишки оказывают сопротивление захватчикам, учатся воевать и дружить.

ISBN 978-5-44-850058-9

© Рублев Ф. Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Андрюша	6
Глава 2. ВСТРЕЧА	10
Глава 3. ОТХОД	15
Глава 4. ПОДВАЛ	21
Глава 5. РАЗВЕДКА	26
Глава 6. СНОВА ПОДВАЛ	33
Глава 7. БЛОК-ПОСТ	38
Глава 8. БАБА КАТЯ	46
Глава 9. ШУМЕЛ СУРОВО ТОМСКИЙ ЛЕС	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Очкарик Боевик. Альтернативная история

Федор Николаевич Рублев

© Федор Николаевич Рублев, 2019

ISBN 978-5-4485-0058-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Андрюша

Дым. Густой. Едкий. Жирный. Он лез в глаза и щипал кожу, покрывая лицо толстым слоем вонючей копоти. Поднеся к лицу исцарапанные и грязные руки, Андрюша с удивлением обнаружил, что ещё жив. Сильно болела правая нога ниже колена, зажатая навалившимся бетонным обломком. Тут же, сквозь вату спрессовавшегося воздуха и багрово – черную пелену перед глазами прыгнула картинка реальности и ворвались звуки. Реальность проявилась раздробленной женской рукой, торчащей из дымящихся развалин. С трудом сфокусировав взгляд, мальчик механически констатировал отсутствие на торчащей руке трёх пальцев и её неестественный изгиб. Запахи крови, палёного мяса и горелого пластика забивали рот, оставляя неприятный привкус какого – то кислого железа, выедали глаза и мешали дышать носом, и без того забитым засохшей свернувшейся кровью. Звуки были хуже. Хуже мёртвой руки и дыма.

В уши ворвались истошные крики о помощи, переполненные ужасом и болью, смешавшиеся с гулом пламени, дробью выстрелов, матерщиной и отрывистыми криками на разных (!) языках. «Вот и сходил в музыкальную школу...» – подумал он. Осмотревшись вокруг, насколько это было возможно из лежачего положения, Андрюша обнаружил себя на противоположной от школы стороне улицы, в развалинах кафе, куда его отбросила ударная волна. От гибели, как оказалось, его спас автобус, принявший в себя основную часть осколков и смягчивший ударную волну взрыва «Томагавка», воткнувшегося в торговый центр неподалёку. Живых в автобусе не было.

В мешанине обломков, крови, костей и чего-то ещё, лениво догоравшей посреди развалин, остов автобуса угадывался с трудом. От вида этой страшной каши Андрюшу вырвало едкой вонючей желчью, залившей остатки куртки. Противно щипало оцарапанную шею, очень захотелось пить и выплюнуть остатки рвоты. Но не тут – то было. Из-за автобуса слышалось движение, выстрелы и отрывистые команды на английском, через дым мелькнул рукав желтоватой пятнистой формы с тёмно-бордовой нашивкой в виде какой-то птицы. Услышав перестрелку, сжавшись в комок, Андрюша изо всех сил пытался раствориться среди развалин, не двигался и едва дышал, хотя желчь на подбородке не желала засыхать, попав в царапины, нещадно их жгла, отчего подбородок страшно чесался. Вся боль из ноги сразу ушла, и тело от кончиков ушей до ногтей заполнил Страх, утянувший сознание в темноту. Андрюша снова очнулся уже глубокой ночью. Кругом было тихо, но вдалеке слышалась стрельба. Почувствовав себя лучше, не обращая внимания на изуродованную руку из обломков, Андрюша первым делом постарался высвободить ногу. Андрюша согнулся и вставил рванный по краю кусок водопроводной трубы под прижимавший ногу обломок стены, раскачивая который, постепенно высвобождал распухшую как бревно конечность, которую уже почти не чувствовал. Бетон поддавался плохо, сил не хватало, но после получаса упорной борьбы с бетоном и кирпичами ногу удалось освободить. Тут же невероятная боль огненной иглой проткнула его от макушки до пяток, заставив вцепиться зубами в грязные лохмотья рукава куртки, чтобы не закричать, и снова провалиться в спасительную темноту, поглотившую сознание целиком и потерял сознание на несколько минут. Придя в себя от всё того же болевого ощущения, Андрюша почти два часа сквозь тёмно – красные круги перед глазами, борясь с подступившей так невовремя тошнотой («похоже сотрясение» – машинально отметил мальчик), едва различая себя в темноте и чадающем дыме, задыхаясь от него и от боли, пытался хоть немного растереть конечность и облегчить восстановление кровообращения. Оно явно улучшилось, но отёк по – прежнему остался, хотя и немного спал. Страшно хотелось пить и на глаза навернулись слёзы, но Андрюша почувствовал, что нога постепенно наливается горячим свинцом и пульсирует. Отметив это про себя и вспомнив школьный курс биологии, заключил: «Значит восстанавливается кровообращение и нога цела», что было добрым знаком, лучшим с начала дня. Поки-

нуть место он мог пока только ползком. Активное передвижение, увы, оставалось невозможным, пока нога не начнёт функционировать нормально. Настроение у Андрюши поднялось, когда в темноте он случайно обнаружил свои очки, неведомым образом оказавшиеся под левой коленкой, и которые тут же водрузил на законное место на носу, пытаясь сквозь сильно треснувшее левое стекло и жутко грязное правое хоть что-нибудь рассмотреть впереди. Посмотреть было на что. Точнее не на что, поскольку музыкальной школы, обувного магазина под ней и соседних домов не было. Были развалины, несколько перевёрнутых вдребезги разбитых машин, чадили пожары вблизи и поодаль в сторону реки. Из салона опрокинутой Тойоты торчало что-то бесформенное, чёрно-красное, без головы со светлыми длинными волосами, которая лежала под колесом опрокинутого набок грузовика, взирая на происходящее бессмысленным взглядом в вечность.

Всё просто. Боевые сенсоры «Томагавка» с проникающей боевой частью, выпущенного с борта американского крейсера «Филиппин Си» в районе Байдарацкой губы в Карском море, запрограммированные с помощью рельефометрической системы коррекции TERCOM – Terrain Contour Matching успешно вели крылатую ракету, запрограммированную на проникающий подрыв, к цели. TERCOM определял текущие координаты путем сверки данных радиовысотомера с цифровой картой рельефа по маршруту полета на координаты здания Томского областного правительства, позволили успешно миновать на предельно малой высоте заслоны российских наземных средств ПВО. Маневрирование ракеты в сложных метеоусловиях резкого перепада давления и температур привело к неровному прохождению электронного сигнала, позволяющего сенсору оптической системы распознавания целей сравнивать реальную местность с координатами задачи.

На подлёте, в 10 километрах от точки подрыва беспощадный убийца выходил в зону атаки, ориентируясь по высоте подстилающего рельефа, и включил электронные «глаза» системы DSMAC (Digital Scene Matching Area Correlation). Угроза «недемократического режима» сверяла полученные картинки с заложенной в её память «фотографией» жертвы.

Но сенсор, не осведомлённый до конца о возможностях российских систем радиоподавления и помех, исказивших электронную карту, забитую в его цифровые мозги, идентифицировал как цель близкорасположенное к правительству похожее по конфигурации здание и направил туда полтонны гексогена, изменив курс всего на 0,001 градуса.

Ракета ударила в здание близлежащего торгового центра, не долетев до заданной точки каких-то двух сотен метров. Из-за этого поднятая стена огня и последовавшая ударная волна, которые должны были накрыть основную часть управленцев администрации и прочих чиновников, лишь частично повредили здание, собравшее в себя цвет органов исполнительной власти, разрушив его западную часть. Разумеется, повезло не всем. Больше всего торговому центру, площади перед ним, и прилегающим улицам. Ну и людям, которые жили, работали, дружили, любили, целовались и страдали на этих улицах. Не всех коснулись страшное пламя ракеты, осколки бетона и стекла, позволившие умереть в изощрённых мучениях. Некоторым повезло больше, поскольку им достались снаряды автоматических пушек бронетехники, пули винтовок «L85A2», а также пулемётов «L11A1» и 7, 62 мм. «L7A2», которые в деле установления порядка и демократии на территории России с успехом применили «секшены» и «фаер-тимы» «Нападающего орла» – британской 16 Воздушной штурмовой бригады, ответственной за очистку Томского сектора интеграции от нелояльных граждан и сепаратистки настроенных лиц. «Нежелательные» и «сепаратистки настроенные» в изобилии лежали среди развалин и в автомобилях, разорванных снарядами автоматических пушек. Одного такого или одну (?) – узнать было невозможно, – стучавший зубами от ночного холода и волнами накатывающего от ноги жара Андрюша, наблюдая за метавшимися в ночи где-то вдалеке фарами машин и сполохами пожаров, заметил совсем рядом, в нескольких шагах слева в сторону городского почтамта. Голова трупа и левая рука были придавлены большим куском бетона, под который

натекла и уже успела подсохнуть большая лужа крови. Но не этой привлекло его внимание. Урчавший от голода желудок всё настойчивей заявлял о себе и требовал чем-нибудь его заполнить. Рядом с трупом лежал пластиковый пакет, из которого рассыпались большие оранжевые апельсины, всем своим видом выражающие недоумение по поводу окружающего их молчания, пожаров и крови, и призывающие мир к празднику.

В пакете угадывалось что-то съестное. Выползать из развалин не хотелось, но голод толкал вперёд. К тому же напомнила о себе жажда. Стараясь не шуметь, не отвлекаясь на отдалённую стрельбу и внимательно, насколько это было возможно, осмотрев через грязные полуразбитые очки окружающую обстановку, Андрюша пополз вперёд. Двигаться было весьма трудно – кругом торчали куски арматуры, нагромождения обломков мебели, стен, множество битого стекла, которое нещадно скрипело и хрустело, издавая звуки, слышимые, как казалось Андрюше, за десяток километров. Нога двигалась плохо и сильно болела, затрудняя перемещение. Сильный кашель забивал дыхание и заставлял периодически замирать в развалинах. С кашлем Андрюша выплёвывал чёрные хлопья дыма и сажи, которых препорядочно наглотался, валяясь без сознания и едва не отравившись совсем. Страшно хотелось пить. От боли и тошноты мутило, но он продолжал двигаться, постепенно смещаясь от участка пожара и липкого чёрного дыма в сторону, против ветра. Двигался Андрюша осторожно насколько мог и умел и внезапно понял, что вслушивается в окружающую обстановку и наблюдает за ней гораздо сильнее и внимательнее, чем делал это в своей обычной жизни. Тут же мелькнула мысль: «Где она теперь, обычная жизнь? Школа, мама с её постоянным беспокойством и всё остальное...». Андрюша тут же отогнал её – думать об этом было некогда. Нужны еда и вода, сейчас это было главным. Ещё следовало позаботиться о безопасности и укрытии. Остальное потом.

Продолжая переползать между обломками, двигаясь в темноте на ощупь и ориентируясь по свету пожаров, Андрюша постепенно выбрался на разбитый тротуар напротив заветного пакета. Из – под куска кирпичной стены на него внимательно глядел пронзительно – голубой глаз из смятой головы. Увидев его в нескольких сантиметрах перед лицом, Андрюша вздрогнул и едва не вскрикнул. Глаз не двигался и смотрел в одну точку, не моргая. «Кукла!» – догадался Андрюша, разглядев предмет внимательнее, попутно пряча кашель в лохмотья рукава, которым тут же вытер противную тягучую чёрную слизь, выбитую из лёгких. На улице было тихо. Картину дополняли гул пламени догоравшей поодаль машины (кажется это был Форд-Фокус), да холодный ветер, остервенело шуршавший на мостовой, среди трупов, бумажками, пылью и мусором, в изобилии появившимся на остатках улицы.

Высунувшись из-за остова «Форда», Андрюша проволокой подцепил пакет, благо тот лежал близко, и медленно подтянул, стараясь скрыть его шуршание за игрой ветра. Проволокой подкатил к себе и ближний апельсин, который тут же, мучимый жаждой и голодом, съел, срывая зубами кожуру и впившись в сочную ароматную мякоть. Утолив немного голод, Андрюша тихо и, как ему казалось, бесшумно, а на самом деле как бегущий в воду бегемот, отступил под уже ставшие знакомыми обломки кафе, где забился в какую-то дыру и осмотрел пакет. Тот не разочаровал. Кусок сыра, чипсы (кому сейчас нужны чипсы?), немного нарезанного хлеба в пакете и, о чудо, поллитровая, смятая, но целая, бутылка колы. Всё это богатство было уничтожено за считанные минуты. Андрюша любил поесть и всегда удивлял родных своими вечерними чаепитиями с выпечкой или двойными порциями пельменей, не говоря уж о таких тривиальных вещах, как глобального размера бутерброд с колбасой в «нужный момент». За поглощением сыра и колы в голову полезли мысли: «Что с родными? Где мама, папа и брат? Что делать сейчас? Как попасть домой? И есть ли он ещё, этот дом?». Андрюша чувствовал, что вместе с этими вопросами, с доносимыми порывами ветра запахами дыма и горелого мяса, с видом неподвижных тел и разбитой музыкальной школы, с одиноким голубым глазом расплющенной детской куклы (где же хозяйка?) его постепенно и неотвратимо

заполняет чувство ледяной злобы, чёрной и первобытной. Чувство, от которого с головы до пяток пробирает озноб и холодеют конечности, от которого нельзя избавиться просто так, отвернувшись. Такое чувство переворачивает сознание, стирая иллюзии и ложные ценности, а точнее, всего лишь помогает видеть мир цельным, расставляя его детали по своим подлинным местам, и заставляет принимать решения.

Было ясно, что на месте оставаться нельзя. Стрельба на северо-востоке не утихала, слышались разрывы чего-то посерьёзнее гранат. Чего именно, Андрюша пока не мог определить, не зная, что это 105 – мм снаряды британской лёгкой полевой десантной пушки L-118, батарея которых долбила по окопавшимся на окраине города остаткам подразделений гвардии. Было также ясно, что надо попытаться выяснить обстановку, установить связь хоть с кем-то, выбираться к дому и найти родных. Из школьного курса истории и прочитанных книг Андрюша знал, что вторжение (в данном случае обтекаемо и осторожно именуемое в международных документах как временное размещение коалиционных сил в пределах административных границ Российской Федерации) всегда сопровождается установлением сил полицейского контроля, введением военных патрулей, новых разрешительных документов и другими ограничениями, призванными облегчить контроль за населением, парализовать действие промышленности, разобщить и обезоружить людей.

Но обстановка требовала неотложных действий здесь и сейчас. С этими мыслями, кое-как поев, Андрюша не заметил, как задремал.

На востоке занимался рассвет.

Глава 2. ВСТРЕЧА

Сон был хорош. Детали семейного отпуска в Крыму и поездки в Артек пару лет назад смешались в причудливую картину приятных звуков, запахов и непреодолимого желания попить из-за неведомо откуда взявшегося солнечного жара, вовсю припекавшего справа. Потянувшись за большой запотевшей бутылкой минералки, почему-то стоявшей посреди футбольного поля «Артека», рядом с «Ласточкиным гнездом», Андрюша наклонился вперёд и... проснулся, едва при этом не скатившись из своего убежища на кучу мусора. Подобравшись, Андрюша тут же вернулся в дыру и прислушался. Светило яркое майское солнце, щедро раздавая тепло живым и мёртвым. И это было плохо. Втянув воздух разбитым носом, из которого накануне грязным пальцем и маленькой щепкой выковырял засохшую кровь, Андрюша почувствовал постепенно усиливающийся сладковатый запах разложения. То, что это именно он, Андрюша понял сразу, чему в немалой степени способствовали фильмы и прочитанные книги про героев – выживальщиков, прежде заполонившие медиа-пространство, литературное поле и умы подростков, а также некоторые школьные знания в биологии. Андрюша помнил, что трупный яд является сильнейшим отравляющим веществом и при достаточной сильной концентрации запаха разложения была высока вероятность получить серьёзное отравление. Запах приносил ветер. Он также во множестве мест неторопливо поднимался из развалин, лениво накапливаясь в ямах. Он исходил от разбитых автомобилей и вообще отовсюду, постепенно накрывая толстым ядовитым одеялом всё большее пространство. Только со стороны пожаров несло едким дымом и горелым мясом, разнообразив этим печать смерти.

Следовало осмотреться и Андрюша, стараясь обезопасить себя от обнаружения и слиться с обстановкой, тихонько натянул на голову запыленную и грязную тряпку, на которой устроил ночлег. Приподняв голову и наблюдая через прорехи в ткани, стал изучать обстановку. Справа, чуть ниже дыры, обнаружился перевёрнутый разбитый стол, закрывающий вид со стороны кинотеатра и прилегающего к нему перекрёстка. Позади оставались развалины, а слева возвышалась куча строительного мусора и какого-то хлама, в котором блестели водопроводные краны, задвижки и торчали во все стороны пластиковые трубы, вместе напоминая огромного недовольного ежа, попавшего в причудливый и безумный лабиринт. Весь этот авангардизм сверху венчал целёхонький унитаз с наклейкой «GROHE», одиноко игравший с солнцем, отражая его лучи от роскошной и очень качественной (немецкой!) белой эмали. На унитаз небрежно облокотилась вывеска «АПТЕКА». Андрюша вспомнил, что с кафе соседствовали магазин сантехники и за ним аптека. «Аптека!» – подумал он и потёр больную ногу, на ходу прикидывая возможность поискать там какие-нибудь лекарства, но пока отложил эту мысль, продолжая осмотр.

Левее позади – со стороны площади и мэрии, – не так далеко, слышны были моторы. Похоже было, что двигается колонна. Андрюша определил несколько разных типов транспортных средств, условно разделив их на грузовой транспорт и бронетехнику. В этом немало способствовал музыкальный слух и выработанная за время учёбы способность анализировать и фильтровать звуки. В том, что броня обязательно есть, Андрюша не сомневался, поскольку, валяясь в полубреду, слышал разрывы снарядов и дробь крупнокалиберных пулемётов, что и устанавливались в основном на броне.

Техника двигалась куда-то в сторону, очевидно вверх по перпендикулярной улице. «По Фрунзе поехали» – заключил про себя Андрюша. В голову лезли всякие мысли о случившемся, тревога за себя, за родных, сожаление о погибших, разбитой школе (чем она – то помешала?) и моментально загубленном труде тысяч людей, возводивших город и поддерживавших его жизнедеятельность.

Впереди движения не было. Переползая к столу, Андрюша отметил про себя, что нога стала слушаться лучше, хотя сквозь разодранные джинсы были видны отёк и бордово – синие с чернотой кровоподтёки. Осмотр положения справа, за столом, дал неожиданный результат. Оказалось, что кинотеатр и торговый центр перед ним тоже перестали существовать как отдельные здания, поскольку были снесены взрывом. Переломаная мебель, трупы, разбитые транспортные средства, которые с этой стороны дополнил перегородивший дорогу перед остановкой опрокинутый троллейбус №3 с водителем без правой руки, выпавшим наружу через залитое кровью и заляпанное розовыми ошмётками лобовое стекло, составляли прежнюю картину, к которой Андрюша, подавляя в себе периодические приступы рвоты, уже начал постепенно привыкать. На проезжей части тускло блестело множество гильз разных калибров – от небольшого 5,56 до 30-мм – от пушек-скорострелок. Входные пулевые отверстия в изобилии были рассеяны по троллейбусу, опрокинутым автомобилям, остаткам деревьев в парке у остановки и сплюсненному взрывом полицейскому опорному пункту, перед которым, словно павший воин, до последнего оборонявший его, лежал лицом вниз бронзовый памятник сотруднику полиции, не так давно поставленный туда на деньги горожан. Памятник тоже был посечён пулями, и в боку у него зияла закопченная рваная дыра от зацепившего снаряда.

Отличной новостью стала обнаруженная за столом полуторалитровая бутылка воды, которую Андрюша с жадностью стал поглощать тут же, перевернувшись на спину и забыв обо всём на свете. Это занятие прервал недалёкий, но ясно слышимый звук. Такой же, как издавал сам Андрюша при передвижении ползком. Быстро и тихо убрав бутылку, Андрюша затаился и старался не двигаться, одновременно превратившись в слух и пытаясь определить источник. Звук шёл с дороги, со стороны троллейбуса. Шум колонны давно затих и слышались только редкие выстрелы где-то далеко в восточной части города. А звук был рядом, и похоже, что кто-то или что-то с одинаковой частотой передвигал (передвигало?) предмет с места на место.

Может ветер?, – подумал Андрюша и решил пока не высовываться. Прождав минут десять, показавшихся ему получасом, сообразил, что звук не приближается и не отдаляется, повторяясь с прежней частотой.

«Ветер» – решил Андрюша, и вернулся было к употреблению воды, но тут звук дополнился отчётливыми хрипом и стоном. Вздвогнув от неожиданности, Андрюша вздохнул, опять приподнялся и осторожно двинулся к месту встречи, понимая, что несмотря на обстоятельства и риск быть обнаруженным, надо помочь. К тому же это была возможность хоть что-нибудь разузнать об обстановке. Хотя нога не слишком и отошла, но как-то приспособившись к движению на боку и стараясь не применять её как толчковую, Андрюша пополз вперёд. Подобравшись за остов автобуса, набитого смертью и ужасом, Андрюша со злорадством отметил среди гильз на дороге окровавленный тампон и обёртку с английской надписью «Медикит». Хотя гильзы были явно чужие, но их количество и остатки медпакета дали понять, что «коалиционным» пришлось непросто. От этого поднялось настроение. Миновав развалины обувного и музыкальной школы, два трупа продавцов, заваленных ботинками вперемешку с бетоном, стеклом и торговым оборудованием, а также торчащую между плит разбитую голову с длинными седыми прядями (Наша гардеробщица тётя Валя, – подумал Андрюша, едва не заплакав, и поглощённый этими мыслями не заметил как продвинулся вдоль развалин соседнего дома ближе к перекрёстку. Укрывшись за остатками стены под обвалившейся аркой во внутренний двор музыкалки, Андрюша прислушался. Хрип или слова – не разобрать, – доносились ближе, от разбитого внедорожника, остановленного ударом металлического шкафа по крыше, вылетевшего при обрушении здания. Внедорожник вписался вправо в дверной проём культурного комплекса «Аэлита» и застрял там передней частью. Левая задняя дверь была приоткрыта и равномерно покачивалась, издавая глухое шуршание, задевая лежащий под ней мусор. Что-то было не так. Хрип прекратился. Дверь покачивалась, но не в такт с порывами ветра. Андрюша присмотрелся и мысленно похвалил себя, что догадался первым делом немного

почистить стёкла очков, используя остатки колы. Так стёкла не блестели, но было довольно сносно видно, насколько позволяло треснувшее стекло. Причиной, по которой покачивалась дверь, был показавшийся знакомым грязный ботинок, торчавший откуда-то из развалин сбоку внедорожника. Ботинок ритмично дёргался, цепляя снизу дверь вперёд – назад. Хрип или стон тоже шли из под машины, из кучи мусора и камней. Подобравшись ближе, Андрюша стал осторожно ощупывать пространство вдоль продолжения ноги, пытаясь определить положение тела, и почти сразу нащупал присыпанную битым кирпичом ободранную руку. Пальцы на ней слабо шевелились. Аккуратно пожав их, Андрюша дал знать, что рядом и помогает. Хрип и движение ногой прекратились. Значит ты меня чувствуешь, значит жив и находишься в сознании и это уже хорошо, – быстро расталкивая камни думал Андрюша. Тело не было зажато машиной, этому помешал завалившийся пострадавшего мусор. Продолжая тихо разбирать завал, Андрюша снял с груди и живота лежавшего несколько крупных кусков. Тот сразу шумно и быстро задышал, с жадностью втягивая дымный пыльный вонючий смрад, пытаясь выбрать из него крупинцы кислорода. По вырывающимся фонтанчикам пыли Андрюша нашёл нос и аккуратно отряхнул лицо пострадавшего, одновременно прикрывая тому рот и не давая шуметь. Внезапно со стороны развалин кинотеатра, впереди сверху послышался шум мотора и на перекрёсток, прямо напротив разбитого опорного пункта неторопливо и основательно выехал небольшой бронетранспортёр грязно-серо-зелёной окраски. Андрюша замер под остатками внедорожника. Замедлив ход на перекрёстке и коротко поведив по сторонам своей какой-то игрушечной пушечкой, БТР свернул вправо и неспешно попылил через трупы и мусор в сторону театра, издавая при наезде на недавно бывшее живыми людьми отвратительные чавкающие звуки. Слышался и хруст лопающихся костей. Гад, по людям! – констатировал Андрюша, сжимая кулаки. На борту он успел разглядеть намалёванную красно-белую спускающуюся птицу с хищным крючковатым клювом, распутившую когти. На антенне развевался небольшой бело – голубой флажок коалиционных сил, почти полностью повторяющий «Розу Ветров» – флаг НАТО, а ниже разместился британский триколор. Андрей сразу вспомнил, как несколько лет назад ездил в Великобританию – чистенькую и причёсанную, набитую историей, тайнами и улыбчивыми такими жителями страну. От этих воспоминаний и зрелища заболела голова. Андрюшу опять заполнило какое-то доселе неизвестное ему остервенение и сами собой в голову пришли слова: «Хозяевами себя чувствуют, сволочи!». Обозлившись, Андрюша начал быстро раскидывать обломки, помогая лежавшему освободиться. Понять, кто перед ним, по замызганному строительной пылью и ободранному лицу с заплывшим багровым синяком левым глазом и разбитой бровью было совершенно невозможно. Андрюша, ты? – выдохнул спасённый и потерял сознание. Приглядевшись, Андрюша с трудом узнал в измученном болью и жаждой лице своего тёзку, соученика по музыке и приятеля Андрея, с красивой русской фамилией Петухов. Сердце его радостно сжалось, и из глаз брызнули слёзы. Тёзка был жив, хоть и ранен. Размазывая выступившие слёзы по грязному закопченному лицу остатком рукава, Андрюша лихорадочно думал, сознавая, что от его действий сейчас зависят уже две жизни. Знаний в вопросе безопасности, транспортировки раненых и оказания им первой помощи катастрофически не хватало. Андрюша со злостью на самого себя, проклиная себя за тупость и лень, за то, что не удосужился изучить или хотя бы посмотреть хотя бы элементарные (!) сведения об этих простых, но, как оказалось, жизненно важных вещах, которые в школе на уроках ОБЖ преподавали лишь частично. Да и эти-то уроки он толком не помнил. В голове всплывали какие-то отрывочные сведения. Андрюша решил не устраивать день воспоминаний, а действовать, подчиняясь простой логике. Понимая, что раненого нельзя перемещать, не выяснив состояние, хотя бы внешнее, Андрюша подложил тёзке под голову камень, подняв её выше, и укрывшись за дверцей внедорожника, осмотрел того снаружи. Следов крови, кроме как на лице из разбитой брови, не было, рёбра на вид были целы. Руки, ноги других повре-

ждений, кроме царапин, синяков и ссадин не имели. Шея двигалась свободно. Кости ключицы тоже целы.

«Похоже Петуху крупно повезло быть заваленным мусором» – подумал Андрюша. Оставалась опасность травмы позвоночника и внутреннего кровотечения – всё-таки на животе лежали камни, но Андрюша, рассуждая логически, пришёл к выводу, что будь внутренняя травма и кровотечение, Петухов сутки бы не протянул. Да и ногой он двигал. Смочив тёзке губы водой из оставшейся половины бутылки, Андрюша стал оттаскивать того вглубь внутреннего двора школы и уложил на валявшуюся тут обгорелую дверь.

В кармане раненого нашёлся мобильный. Экран треснул, но сам прибор работал – сенсор откликался на команды. Связи, конечно, не было. Последнее смс – сообщение было отправлено больше суток назад и никак ситуацию не проясняло. Тогда же, согласно журналу вызовов были сделаны и звонки абонентам «Мама» и «Папин номер». Петухова надо было перемещать дальше и уходить с опасного места, тем более уже началось патрулирование, как показал проезд бронетранспортёра. Андрей лихорадочно прикидывал как одному,

с повреждённой ногой, эвакуировать тёзку, которого кое-как протаскивал какие-то десяток метров и сам чуть не отдал богу душу, с трудом справляясь с головокружением и слабостью в ноге. И самое главное, – куда двигаться, где взять воду и продукты, лекарства? И какие лекарства нужны? Кто может помочь? Ответы находились постепенно. Помогать было некому. Убираться надо было быстро, пока по куче не врезал пулёмёт, и уж потом думать об остальном. Внешний осмотр хоть и показал, что, по крайней мере, снаружи Петухов цел, но Андрюша решил ещё раз осмотреть раненого. Лицо его хоть и было бледным, что по – прежнему могло говорить о внутреннем кровотечении, но дышал он ровно, и Андрюша, припомнив всё же прочитанные когда-то у Андрея Круза сведения о симптомах травм и болезней, и первой помощи при них решил, что у Петухова сотрясение и сильное обезвоживание, поскольку он и сам сильно страдал от нехватки воды и головокружения. К тому же захотелось есть. Используя ещё малую толику драгоценной воды, Андрюша вытер раненому лицо. Веки Петухова дрогнули, он приоткрыл глаза и снова закрыл их. Андрюша было подумал, что приятель опять отключился, но тот вдруг тихо прошепел: «Андрюха, ты как здесь? Я..., огонь..., ... не помню...».

Петухов постепенно оживал, пытался говорить и даже глотнул немного воды, но по-прежнему был слаб. Когда он, успокоившись, снова надолго закрыл глаза, Андрюша сел рядом, шмыгнул носом, – ночёвка была всё же на улице, – и стал осматриваться, стараясь запомнить состояние и расположение улиц, попутно растирая нившую болью ногу. Город горел. Многочисленные толстые столбы жирного чёрного и белого дыма поднимались из разных концов, смешиваясь в небе в однообразную грязно – серую кашу, подсвечиваемую сверху солнцем, а снизу – оранжево – бордовой кровью пожаров. Особенно много их было в районе железнодорожного вокзала – где-то далеко справа; нещадно дымило и слева – в районе Каштака и Проспекта Мира, как определил Андрюша. В центре дымов было не так много, в основном в районе подрыва ракеты, и сильно тянуло гарью справа по улице Ленина, со стороны университетов и Лагерного сада, отчего копоть и пепел, гонимые ветром, оседали на развалинах, крышах и пустых глазницах осиротевших домов, блестящих слезами осколков. Горел и монастырь на пригорке выше за кинотеатром.

Неожиданно справа в переулке, рядом с тем местом, где он очнулся, щёлкнул выстрел, раздался женский крик, а следом обрывки речи на незнакомом языке. Андрюша тут же нырнул в кучу битого кирпича, откуда бросил на Петухова грязную и почему-то мокрую скомканную штору, прикрывшую от возможного обнаружения. Метрах в пятидесяти справа, возле победно возглавлявшего кучу мусора унитаза появились двое рослых военных со странными зеленоватого цвета винтовками на животе, тонкие стволы которых, увенчанные компенсаторами с продольным распилом, смотрели вниз. Один из военных держал в руке пистолет, с улыб-

кой направляя его в бок молодой женщине с поцарапанной щекой и ободранными ногами, в рваных грязных джинсах и в одной кроссовке. Второй с усилием держал её за волосы, пригибая к земле и явно стараясь причинить боль. Девушка уже не кричала, только стонала, пытаясь успевать идти в такт движению военного. Весело переговариваясь, высокие светловолосые парни проследовали мимо убежища, в сторону разбитого ракетой торгового центра. Державший пистолет выронил что-то блеснувшее жёлтым, что нёс в дырявом полиэтиленовом пакете с нелепой в этой обстановке надписью «Ярче!». Это нечто покатилося по мостовой в руины. Явно выругавшись на незнакомом Андрюше языке, «пистолет» нагнулся за упавшим. Второй что-то весело сказал и «пистолет», чертыхаясь и ещё раз ругнувшись, продолжил движение. На рукаве болотно-зелёного камуфляжа мелькнула жёлто-голубая нашивка и над ней вышитая же тёмно-зелёным рогатая каска викинга. – Украинцы что – ли? – задал себе вопрос Андрюша. Нет, язык и нашивки говорили обратное. – Какие там викинги? Скорей бандеровцы были бы с их нацистским «волчьими крюками» да «вилкой». Может какая-то военная полиция?

– Нет. Винтовки явно армейские, да и снаряжение полевое – высокие ботинки, ножи, пистолеты. В военном снаряжении и стрелковом оружии Андрюша немного разбирался, поскольку дома было достаточно книжной информации, которую он периодически с интересом изучал. Спустя несколько минут со стороны, куда ушли военные, послышалась короткая очередь, вскрик, затем шум мотора и лязгнули гусеницы удаляющейся лёгкой бронемашины (?). Андрюша вспомнил, что за аптекой располагался переулок, где размещалось несколько ювелирных магазинов, что уже обнаружили военные, и понял, что если ещё немного потянуть, то уйти не удастся совсем. Действовать следовало немедленно, и Андрюша бросился к Петухову.

Глава 3. ОТХОД

Как оказалось, мокрая штора помогла страдающему от обезвоживания Петухову прийти в себя. Цвета лица нормализовался и тот мог уже, пусть весьма вяло, но осмысленно шевелить ногами. Андрюша подбежал, а скорее подхромал (травма ноги напоминала о себе), на ходу соображая, куда же отходить. Мысли крутились в голове роем испуганных пчёл.

– Петух, вставай! Скорее! Надо валить отсюда! Андрюша быстро сунул товарищу бутылку, надеясь что вода поможет тому почувствовать себя лучше. Жадно выхватив её трясущимися руками, Петухов проглотил немногие остатки залпом и облегчённо вздохнул. Затем что-то промычал и попытался подняться, что без посторонней помощи выглядело убого и страшно. Ободранное, присыпанное строительной пылью привидение из кошмаров Стивена Кинга, с покрасневшими глазами и седыми от пыли ресницами, кое-как разместившимися под разбитой бровью на гипсовой маске, образованной смешавшимися цементом, кровью и какой-то чудовищной грязно – коричневой слизью, покрывшей темно – багровый отёк, переходивший на щёку и нос, с трудом, поддерживаемое таким же грязным оборванцем в распоротых джинсах, поднялось из развалин. Петуха качало как траву, и он каждую секунду намеревался упасть. Постепенно, потихоньку переставляя ноги между ямами и осколками стекла, ребята отступили вглубь развалин. Андрюша понимал, что соваться на дорогу, пусть даже там лекарства, съестное и вода – в разбитом кафе, нельзя. – Заметят, и если не расстреляют сразу, так засунут в какой-нибудь фильтрационный пункт, считай концлагерь, – рассуждал он, не забывая поддерживать товарища и помогать ему передвигаться. – А фильтрационный пункт, или как там у них называется, – это постановка личности на учёт, рабство, и наверняка гибель, – продолжал думать Андрюша, припомнив, что в послереволюционный период, в 1918—1920 годах именно защитники демократических ценностей – английские и американские войска Антанты, базировавшиеся в Мурманске и Архангельске, первыми устроили концентрационные лагеря, с успехом применив опыт их развёртывания, полученный англичанами во время англо-бурской войны в конце 19 века в Южной Африке. И в этой старой африканской войне главными ценностями были не свобода и демократия, а золотые копи и территории с выходом к морю. Для себя Андрюша твёрдо и окончательно решил – не сдаваться. Насыщенные событиями, кровью и человеческим горем события этих, пока всего двух, дней нажали в нём ту самую кнопку, что называется человеческое достоинство. К этому чувству примешивались злость и по подростковому обострённое чувство справедливости, раскрашивая вспыхнувшие эмоции в цвета ненависти и добавляя в этот коктейль почти ставшее невыносимым желание немедленно расправиться с обидчиками. Андрюша закричал зубами и встрепенулся, оглядываясь. Решение продвигаться к реке пришло само – собой, да и собственно текущее расположение подталкивало к такому выводу. Андрюша прикинул в голове, что углубляться в городские кварталы было намного опаснее. Наверняка уже началась зачистка и вероятность попасть в лапы «коалиции» – так он решил называть захватчиков, в этом случае многократно возрастала. Расположение улиц за музыкальной школой он знал плохо, а точнее фактически и не знал, да и разрушено было много. Выгоревшие окна и общий беспорядок – мусор, трупы, разбитая мебель и машины – всё это изменило рельеф, и ориентироваться было весьма сложно. Снизу от реки, правее школы на улицу Ленина выходил Московский тракт, на углу которого стоял большой магазин, торгующий коврами. Остатки магазина Андрюша видел через дорогу, с места, где очнулся. Полуобвалившийся фасад и выходивший изнутри дым не оставляли сомнений, что магазин тоже разрушен и делать там нечего. Но это был неплохой ориентир, и Андрюша решил через пройденные уже остатки школы и обувного вернуться к перекрёстку, откуда спускаться к реке через дома вдоль улицы вниз, попутно осматриваясь. Следовало определиться, тащить ли туда Петухова или пока оставить. Подумав, решил не разлучаться с раненым и един-

ственным близким ему сейчас человеком, памятуя, что всегда плохо ориентировался в городе, из-за чего в прошлом иногда случались дУдарные казусы вроде пропущенной по рассеянности остановки, и над этим периодически, но беззлобно подтрунивали родители (где они?). Андрюша из своих многочисленных поездок в музыкалку помнил только, что Томь протекает ниже и позади школы. Тут же пришли картины, когда он с мамой и папой гулял весной по набережной, поедая мороженое «22 пингвина», такое вкусное, на сливках. А ещё был молочный кок... – мысли на полуслове оборвал шум из развалин, раздавшийся впереди слева, недалеко от магазина ковров. Андрюша быстро присел за кучу кирпичей и дёрнул вниз Петухова. Тот качнулся и мешком осел рядом, закатывая глаза.

– Не вовремя ты! – подумал Андрюша, нашаривая сбоку кусок кирпича для самозащиты. Но всё обошлось. Вдруг впереди показалась собака с подпаленным боком, – успевший покрыться корочкой свежий ожог и обгорелая шерсть вокруг не оставляли сомнений. Но важным было не это. Псина была с ошейником и зажимала в пасти явно что-то съедобное. Андрюша тихонько свистнул, как умел, стараясь подражать тому, как обычно на улице подзывают собак. Псина испуганно шарахнулась и чуть отбежала, не покидая, однако, места полностью и подозрительно глядя на двуногое грязное чучело в очках, возникшее из развалин. Андрюша тихонько присвистнул ещё раз и осторожно поманил собаку рукой.

– Иди сюда, лохматая! Иди, не бойся!

Собака засомневалась и вильнула хвостом, услышав спокойную речь. Продолжая успокаивать животное и демонстрируя недюжинный артистический талант, Андрюша звал собаку, постепенно чуть придвигаясь к ней. Та оставалась на месте и не подходила. Но и не убегала. И тут Андрюша понял, что собака очень хочет пить. На эту мысль его натолкнул вид ожога, покрытый коркой сухой нос и слезящиеся у пса глаза – явные последствия воздействия дыма. Но воды не было. Подобрав выпитую Петуховым бутылку, в которой едва осталось несколько капель, натёкших на дно, Андрюша опять позвал собаку и открыв бутылку, стал имитировать что наливает воду в чашку, медленно капая драгоценную влагу прямо перед собой на невидимую псине руку. Собака не выдержала, выпустила из пасти кусок и виновато виляя хвостом и прижав уши покорно, но осторожно приблизилась, стараясь разглядеть, где же там вода. Медленно протянув мокрую руку, Андрюша дал собаке обнюхать и лизнуть её, после чего резко, как мог, ухватил другой рукой за ошейник. Собака взвизгнула, испугавшись, и постаралась вырваться. Не давая этого, Андрюша постарался погладить и успокоить её, что удалось через пару минут, поскольку собака страдала от жажды и ослабла. – Откуда ты такая? – жалея, гладил Андрюша несчастную, еле дышашую собаку, чьи глаза выражали обречённость и глубокое страдание от потери привычного и понятного образа жизни – хозяина, любимого мячика и поездок на дачу по выходным. «Лайза» – прочитал Андрюша на хорошем кожаном ошейнике. Собака была холёная, породистая и по остаткам её прежней внешности было видно, что хозяева свою игрушку любили. Не разбираясь в собачьих породах, Андрюша решил считать Лайзу лабрадором, – она была похожа на виденных по телевизору. На самом деле Лайза была ретривером. Не желая расставаться с собакой, которую, пока не зная зачем, поймал, Андрюша привязал к ошейнику кусок проволоки, зацепил её за выступающий из стены скрюченный немыслимым узлом какой-то металлический прут и поднялся, намереваясь посмотреть, откуда это псина выскочила с куском. Солнце встало вертикально, и даже рваные хлопья серого и чёрного вонючего дыма, устилавшие город, не мешали лучам, нагревавшим всё и вся, делать свою работу, усиливая распространение удушливого смрада и раздувая покойников. Впрочем, им было всё равно.

Вопрос, почему собака не убежала с места за прошедшие сутки, занимал Андрюшу не меньше, а может и больше, чем остальные насущные проблемы. Взвесив имеющиеся данные и всё, что знал о поведении и рефлексх собак, Андрюша пришёл к выводу, что Лайза где-то здесь жила и не хотела далеко уходить от дома, ожидая возвращения хозяев, кото-

рые уже едва ли вернутся. Обслонявленный Лайзой небольшой кусок варёного мяса натолкнул на мысль, что где – то поблизости, не подвергая себя особому риску, можно раздобыть еду. С этими мыслями Андрюша, подняв очнувшегося Петухова и оставив пока собаку, прячась за мусором и кучами битого кирпича, двинулся к остаткам магазина ковров. Задний ход магазина был разрушен, изнутри слабо тянуло ядовитым дымом, но огня не было видно. Усадив вращающего глазами и мелко подрагивающего головой Петухова у входа, в остатках внутреннего двора, Андрюша осторожно похромал внутрь, замотав лицо от дыма оторванным от куртки рукавом.

Внутри было тихо. Сорванная с потолка лампа дневного освещения медленно раскачивалась на проводе, едва не доставая пола. От остатков искусственных ковров остро пахло горелым пластиком. К этому запаху примешивался какой – то тягучий и плотный как кисель запах сгоревшего белка от ковров шерстяных, в изобилии разбросанных как на складе, так и в торговом зале. Осторожно, стараясь не хрустеть осколками под ногами, Андрюша выглянул в зал из подсобного помещения и отметил, что с этого места хорошо просматривается и вход в «золотой переулок» и участок справа, к почтамту. Взгляд упёрся в кучу стреляных гильз на дороге. Как раз туда, где лежала упаковка «Медикит». – В кого они так долбили? – Испугались, уроды, – слишком много было гильз. – И кто им врезал? Присмотревшись, насколько позволяли при скудном освещении полуразвалившиеся очки, Андрюша заметил напротив развороченного окна, ближе к центру зала, бесформенный силуэт. Кто-то лежал и не двигался. Но большее внимание привлекла совершенно целая, обшарпанная тёмно – зелёная дверь в комнату, где, по всей видимости, должны были переодеваться или отдыхать сотрудники. Дверь была едва приоткрыта и оттуда пахло получше, чем вокруг. Подобрал обломок дверного наличника, Андрюша, стоя возле стены аккуратно толкнул дверь, которая неохотно поддалась и приоткрылась. Было тихо. Андрюша толкнул ещё раз, открывая дверь полнее, и замер. Никто не выскочил и вообще ничего не случилось. Осмелев, Андрюша придвинулся ближе. Комната была пуста, за дверью никто не прятался и только опрокинутый в середине стол говорил о поспешности уходивших. Войдя внутрь, Андрюша притворил за собой дверь и оглядел комнату. Слева за дверью стоял приземистый топчан с грязной заношенной накидкой, бывшей когда-то gobеленом, списанным хозяином магазина на пенсию по вине охранника, неосторожно ткнувшего в товар горящим окурком. Вплотную к топчану примыкал небольшой шкаф для одежды. Приоткрыв дверцу, Андрюша обнаружил скомканную тёмно-синюю куртку охранника какого-то ЧОПа, в карманах которой, кроме крошек табака раздобыл и сунул в карман полупустую китайскую зажигалку. – Потом проверим. Тут нога наступила на что-то мягкое и поехала в сторону, увлекая за собой. Теряя равновесие, парень схватился за шкаф и едва не упал вместе с ним, но удержался. Под ногой оказалось разлитое подсолнечное масло с плавающими в нём остатками каких-то овощей. И только сейчас Андрюша ощутил пробивающийся через закоулки кровавых сгустков в носу запах пищи. Безумно и сразу вспыхнул голод, до этого момента дремавший и сейчас железной хваткой скрутивший желудок до тошноты. Согнувшись, Андрюша присел на корточки и несколько раз вздохнул, отгоняя спазм, и сразу заметил за опрокинутым столом стеклянную банку на боку, от которой и тянулась к шкафу дорожка масла.

В банке оставалось около половины. Пластиковая ложка нашлась в тумбочке рядом. Там же оказался и небольшой, затёртый донельзя туповатый хозяйственный ножик. Андрюша возликовал и тут же, едва сдерживая себя, чтобы не проглотить всё целиком, запихал рот несколько ложек салата, тихонько мыча от удовольствия. За поглощением салата не забывая смотреть по сторонам, Андрюша обнаружил неприметно стоявший в углу и какой-то грязноватый сверху электрочайник.

– Вода! Увидев, что чайник полон, Андрюша едва не заорал, притоптывая на месте, и сделал несколько больших глотков. Организм ответил адекватно, мальчик почувствовал прилив сил и приободрился. Поиски привели к источнику воды, каким оказался стоявший за топча-

ном неполный пятилитровый баллон с надписью «выгодная покупка», из супермаркета «Абрикос». Больше трёх литров, прикинул Андрюша и старательно слил в баллон остатки из чайника. Мысли о найденной куртке охранника не оставляли надежду найти или самого владельца или, на что Андрюша очень надеялся, хоть какие-то средства самозащиты – газовый баллончик, электрошокер, а может что-то серьёзное, или хотя бы переговорное устройство, каким часто пользовались охранники в магазинах. Но ничего этого в комнате не оказалось. Выбравшись в коридор, Андрюша прислушался. Справа слышался гул двигателей, но в обозримом пространстве никого не было.

– Надо спешить! И Андрюша, придерживая баллон, похромал в торговый зал, где видел труп.

Перелезая через груды раскиданных тлеющих ковров, Андрюша вдруг поймал себя на мысли, что наблюдает на некоторых коврах рваные дырки, а на противоположных окнах стенах щербины от пуль. – Здесь же бой шёл, – вспомнил он вчерашнюю перестрелку.

– С кем? Где этот кто, который стрелял по «коалиции»? – мыслей было предостаточно. Пробравшись к телу в центре зала, Андрюша понял всё. Труп старшего лейтенанта полиции лежал лицом вниз на небольшой кучке зеленоватых блестящих лаком 5,45 мм гильз. У лейтенанта отсутствовала верхняя часть черепа, снесённая пулей, забрызгавшей розово-серым мозговым веществом и без того запыленную, пропитанную потом и кровью изорванную форму. Сверху на остатки головы уже успела осесть мелкая пудра цемента. Смотреть было неприятно и страшно. Андрюшу опять затошнило и чтобы спазмы живота не вытолкнули наружу салат, он отвернулся, стараясь глубоко дышать и сосредоточить внимание на обгорелом куске стены. Отдышавшись, Андрюша, отводя взгляд от раны, постарался быстро обшарить лейтенанта, хлопая по карманам со спины. Ничего. Труп оказался неподатливо тяжёлым и чтобы его перевернуть, Андрюша потянул за кусок пропитанного кровью ковра под лейтенантом. Тяжело перекатившись на бок, тот отрыл Андрюше доступ к униформе спереди. На поясе болтались ненужные наручники. Дубинки не было, кобура была пуста. Поодаль валялся пустой магазин от «Макарова». Короткие светлые гильзы тоже присутствовали. Не глядя лейтенанту в лицо и отворачиваясь, Андрюша быстрыми движениями проверил карманы, попутно зацепив взглядом оцарапанный блестящий значок ДПС на груди погибшего. Взгляд задержало входное пулевое отверстие с загнутыми внутрь неровными краями подкрашенного выступившей кровью металла, преградившего смерти, рванувшейся по баллистической траектории, дорогу к сердцу. В карманах ничего не было, но под ковром ботинок наступил на что-то загнутое и продолговатое. Подняв, Андрюша опознал в пыльном предмете оранжевый автоматный магазин «Калашникова», в котором тускло блестели остроносые патроны. Автомата не было. – «Забрали нападавшие» – с сожалением заключил Андрюша, разумно предполагая, что в данных обстоятельствах автомат или самый завалящий пистолетишко резко повышали шансы на выживание. С этими мыслями он и двинулся обратно, сунув магазин за спину, волоча воду и по пути прихватив заранее выставленный в коридор недоеденный салат. Шум двигателей справа приближался. Андрюша вывалился во внутренний двор и не разбирая, что там с товарищем, подхватил того за пояс. Опираясь друг на друга, ребята ринулись черепашим шагом в развалины. Но сил идти в рост не хватало, к тому же с собой были вода и остатки салата (не бросать же?) и оба, «молнией» проскочив от входа 3 метра, молча поползли. Салат Андрюша сунул Петухову, который пополз вперёд, прижимая банку левым локтем к груди и загребая вперёд менее пострадавшей в завале правой. Андрюша сопел сзади, волоча драгоценную воду. Мимо по улице, в сторону дома правительства прогрохотало что-то гусеничное, за ним явно пара грузовиков. Плохим знаком было то, что следующая машина остановилась и оттуда стали высаживаться солдаты. Ребята этого не видели, но отчётливо слышали звук тормозов, топот и команды на том же незнакомом отрывисто-распевном языке. Первым делом солдаты занимали «золотой переулочек» и это давало шанс. Дёрнув Петухова за штанину,

Андрюша знаками показал тому ползти левее и вглубь развалин, в сторону реки, а сам, пристроив бутылку в небольшую яму, встал на колени и «ринулся» за собакой, подбадривая себя проклятиями выбранного способа передвижения, американского президента и демократии как таковой, а заодно и выдумавших этот политический институт греков, римлян и чёрт знает кого ещё, не забывая о мельтешащих на улице военных и пляшущих перед глазами проклятых чёрных мушках – верных признаков головокружения и низкого давления. Лайза, услышав шум, тревожно подняла уши и была готова залаять, когда ветер донёс с юга уже знакомый запах того, кто показывал воду. С этой же стороны доносились и какие-то незнакомые запахи. Ринувшись было туда, Лайза почувствовала хорошо известный ей запах угрозы, который всегда выделяли двуногие, желающие напасть, и это, несмотря на жуткое желание пить, задержало её. К угрозе примешивалась полужабытая резкая вонь оружейной смазки и порохового нагара. За всю четырёхлетнюю жизнь Лайза лишь однажды сталкивалась с похожим, когда ездила с хозяином на какое-то поле за городом, где повсюду грохотало как одиночными, так и очередями, и пахло также – нагаром и оружейной смазкой. Грязный по уши мальчишка, от которого исходил свежий вкусный запах еды и, как это было чудесно сознавать (!), воды, снял с крючка подобие поводка и увлёк за собой. Она и сама бы пошла, так манили эти запахи, но мальчик, не обращая внимания на её желания, упорно тащил за собой, почему-то двигаясь рывками, на животе, как виденный ей когда-то на даче живой кусок верёвки, который хозяин запрещал хватать. Слабо пошевелив хвостом, собака покорно поплелась за парнишкой. Прихватив по дороге бутылку, Андрюша постепенно нагнал ползущего Петухова. Тому было совсем нехорошо от испытанной перегрузки и лёжа на спине он силно дышал, размазывая по лицу ладонью выступившую в месте ушиба сукровицу. Понимая, что без воды Петух вот-вот отключится, как и ползущая полудохлая псина, Андрюша немного смочил водой тряпку, оторвав кусок от второго рукава и протёр Петухову лицо. Тот благодарно скосил вбок глаза, но ничего не сказал. Плеснув немного воды в какой-то не очень грязный вогнутый металлический предмет, напоминавший своим видом половину небольшого волейбольного мяча, Андрюша передал его приподнявшему голову Петухову и тот залпом осушил сосуд. По дрожащим рукам и судорожно дёргающемуся грязному кадыку Андрюша понял, что воды надо добавить. Петухов выпил ещё почти полную импровизированную чашку и откинулся на кирпичи. Сбоку заскулила собака и Андрюша в эту же чашку налил и ей. Набросившись на воду, собака вылакала всё до последней капли и жадно взглянула на мальчишка глубокими тёмными глазами, давая понять, что хочет ещё. Налив немного, Андрюша закрутил пробку. Вокруг было по весеннему жарко, позади топали солдаты, осматривая ближние к дороге дома и развалины, и надо было отходить. После короткой передышки ребята и пёс углубились в прибрежный городской лабиринт. Выбирая возможные варианты дальнейших действий, Андрюша, обращаясь к Петухову, предложил перейти на противоположную сторону улицы, где дома были явно целее, а возможностей остаться незамеченными врагом больше. Петухов, после воды начавший двигаться и чувствовать себя значительно лучше, посмотрел по сторонам и просипел: – Давай! Подобравшись вплотную к проезжей части метрах в 150 ниже покинутого магазина, мальчишки наблюдали, как в районе «золотого переулка» под отрывистые команды мечутся несколько солдат, перетаскивая что-то из разбитого помещения в грузовик. Военные другой группы, чьи голоса слышались уже из коврового зала, по одному стали выходить к развалинам позади, отчего для ребят возникла реальная опасность быть обнаруженными. И это почти произошло, поскольку внимание одного из военных, носившего тактические очки, привлёк шум – собака сдвинула и уронила кусок бетона. В эту же секунду с крыши здания бывшего магазина одежды, на углу «золотого» и улицы Ленина сверкнуло и грохнул раскатистый выстрел. Того самого, в тактических очках, подбросило вперёд, и каска с остатками головы и разбитыми очками подлетела вверх, отделившись от тела. Остальные, как тараканы на свету кинулись кто куда, беспорядочно стреляя вверх. Грохнул ещё один выстрел ниже и кто-то на дороге

истошно заорал. Пользуясь этим, пацаны и собака, забыв обо всём на свете и подчиняясь звериному инстинкту выживания, метнулись через дорогу, понимая что другого шанса не будет. Над головой простучала очередь и позади, на перегородившему дорогу фонарном столбе, за которым они только что прятались, вспухли фонтанчики пыли и полетели осколки бетона. Взвизгнул и блеснул искрами рикошет. Изо всех сил перебирая ногами, с полными ужаса глазами друзья ввалились в какой-то заставленный полуразбитыми автомобилями двор, скрывший их от обстрела и видимости с дороги, пробежали через него, завернув за угол следующего дома, зияющего разбитыми стёклами и следами небольшого пожара в квартире на первом этаже, проскочили и его, постепенно снижаясь к реке. Завидев впереди сетчатый забор, Петухов, а следом Андрюша и пёс обогнули его слева и выскочили к какому-то учреждению или учебному заведению. Стрельба продолжалась правее сзади, что подтвердил своим «ду-ду-ду-ду» заработавший с дороги крупнокалиберный пулемёт. Следом лопнула граната. Сквозь шум боя ветер донёс оттуда крепкий мужской мат. Перед зданием Петух куда – то делся и Андрюша, на ходу соображая, как же спрятаться, вдруг увидел что приятель лезет в узкое, едва заметное над землёй окно полуподвала. Подскочив не раздумывая, Андрюша пропихнул Петухова, который мешком провалился внутрь. Следом, не обращая внимания на протесты визжащей собаки и безжалостно, по живому обдирая ей едва покрывшийся коростой бок, толкнул в проём и её спиной вперёд, надеясь, что Петухов поймает. На ходу вспомнив те немногие навыки, что получил на прошлогодних тренировках по рукопашному бою, рыбкой нырнул в проём сам, чудом не зацепившись за край торчащим за спиной магазином, в приземлении больно ударившись коленом и головой. От последнего в мозгу взорвалась красно-фиолетовая бомба и свет, а точнее полумрак подвала, перед глазами померк.

Глава 4. ПОДВАЛ

1. Очнувшись в полумраке, Андрюша пытался собрать себя в кучу. Болела ушибленная при падении и без того пострадавшая при взрыве голова. Казалось, что десятки больших бронзовых колоколов устраивают там жестокую и мрачную какофонию, разыгрывая какую-то чудовищно – бессмысленную и безобразную партию ржавыми и гулко-крикливыми голосами. Кое – как сфокусировав в полумраке взгляд на расплывчатом пятне перед лицом, Андрюша увидел склонившееся над ним привидение, отдалённо напоминавшее Петуха. В уши ворвались тяжёлые звуки крушения поезда, дополняя безумные вопли колокольной свистопляски. Разделив оркестр и поезд ладонями, Андрюша постепенно осознал, что Петух что-то ему говорит. Тёплая и прохладная липкая полоса протянулась по щеке и тут же напротив возникли грустные и преданные собачьи глаза.

– Лизнула значит, – какая-то пластилиновая мысль лениво продрейфовала по горячей кисельно – парафиновой вате, заполняющей голову. Привидение исчезло и появилось снова с железной кружкой, до краёв наполненной какой-то мутной жидкостью с терпким запахом.

– Пей.

– М-м-м-м-м-м..., – слабо заворочался Андрюша, пытаясь приподнять голову. Петух придвинулся, заслоняя пространство, осторожно помог присесть и опять сунул кружку, помогая удержать её в слабых пальцах.

– Пей.

На поверку горьковатое пойло оказалось холодным чаем, скорее даже слабаразведённой заваркой. Отпив половину, Андрюша бессильно откинулся навзничь, перевёл дух и треснувшим слабым голосом, не узнавая его, спросил:

– Где мы?

– Точно не знаю, где-то на Московском. Мы ездили по нему с папой. Какой-то подвал, похож на склад книг или библиотеку. Не уверен. Нашёл у тебя зажигалку в кармане и свой телефон. Подсвечивал тут.

Действительно, в спёртом воздухе подвала витал запах сгоревшей бумаги.

– Ты полежи пока, не вставай. Последние слова Андрюша услышал уже далеко – далеко, сквозь глубокий серый туман, погружавший его в тяжёлый и беспокойный сон, на несколько очень нужных организму часов.

2. За время Андрюшиного сна Петух и Лайза, совершенно освоившаяся с ребятами, не сидели без дела. Отдыхая после жестокой борьбы за выживание и подремав в темноте около часа, Петухов, всегда бывший мальчишкой деятельным, любознательным и пытливым, предпринял попытку осмотреться. Лайза в это время вылизывала рядом раненый бок, и когда Петух зашевелился, подняла в готовности уши, призывно глядя на него. Первым делом Петух ощупал свои и Андрюшины карманы. Обрадовался, найдя у товарища свой телефон и зажигалку. Подсвечивая телефоном, сохранившим остатки заряда, и ориентируясь по слабому свету, поступавшему из окна под приземистым серым потолком, Петухов обошёл комнату. Это оказалось подвальное помещение, набитое старыми книгами, с двумя выходами в противоположных стенах. Петух сделал из каких-то старых журналов импровизированный факел, поджёг его и в свете пламени попытался осмотреть и открыть двери. Обе не поддавались и видимо были заперты снаружи, как он решил. Огорчённый неудачей, Петух сел на ступеньки перед дальней дверью и увидел, что та просто заперта на щеколду с этой стороны. Рядом же, на ступеньках, покоилась явно не пустая хозяйственная сумка, какие обычно носят рабочие – слесари или электрики. Порывшись в ней, Петух извлёк оттуда старенький термос, в котором оказался давно остывший и загустевший горьковатый чай без сахара. Там же лежала железная кружка и небольшой кусок черствого чёрного хлеба с прилипшим к нему кусочком белого сала.

– Хоть бы кусок сахарку оставили, – недовольно – мечтательно протянул воспрявший духом Петух. Сало, чай и остатки салата (вода осталась на улице) внушали некоторую уверенность и надежду не загнуться от голода в ближайшее время. Да и товарищ, за эти безумные и страшные часов ставший ближе чем за несколько лет, почти братом, уже долго без сознания, надо бы ему оставить что – то поесть и чаю. Немного попыхтев, чувствовавший себя значительно лучше после чудом спасённого при пируёте в подвал салата (падая на предплечье на книги, интуитивно прижал банку к груди, другой рукой прикрывая сверху её и защищая лицо) и чая Андрей Петухов, несколько раз ударив краем металлического термоса по щеколде, сдвинул её и открыл дверь, ведущую вглубь подвала. За дверью стояла темнота. Запалив новый факел, мальчик осторожно двинулся внутрь. Лайза юркнула следом.

В отблесках мерцающего в темноте пламени мало что удалось рассмотреть. По подвалу шли какие-то трубы. В двух местах пламя из темноты выхватило на трубах небольшие цифровые датчики давления и вкрученные в систему простые водопроводные краны с вентилями. Подвал занимал несколько последовательно соединённых комнат. На полу шелестел какой-то мелкий мусор и один раз, пройдя в третью по счёту комнату, Андрей наступил в небольшую лужицу. Темнота давила со всех сторон, пугая неизвестностью, заставляя мальчика нервничать и зачем-то постоянно оглядываться. – Вроде и нет никого, но как-то жутко, – думалось парнишке, совсем недавно ползавшему по развалинам и полуобгоревшим разлагающимся трупам под автоматическим огнём. Детская психика пластична и в этом было его спасение. Именно детские страхи, когда-то навеянные сказками и постепенно навязанные Андреем самому себе, нелепые и смешные в творящемся вокруг карнавале Сатаны, чьи жнецы всю собирали на улицах щедрый, кровавый, удобренный горьким дымом страданий, урожай, удержали мальчишку от бездонной пропасти окончательного безумства, на грань которой он стал почти сутки назад, открыв в развалинах школы присыпанные бетонной крошкой и кирпичной пылью глаза.

Тогда, обнаружив себя почти полностью погребённым в могиле бетонных обломков и мусора, до горлового спазма испугавшись своего непонятного положения, всей какой-то бессмысленной неправильности и дикости ситуации, в одно мгновение перевернувшей его восприятие, оглохший и утративший голос, Андрей пережил сильнейший приступ паники, подтолкнувший его к пропасти. Только судорога, вызванная паникой, помогла ему осознать, что он всё ещё жив, и немного свободной остаётся одна нога, и что она упирается во что-то, толкающее ногу обратно. Цепляясь за эту тонкую ниточку, Андрей несколько часов удерживал сознание, забитыми пылью ушами пытаясь уловить, издаёт ли толкаемое звук, может ли его кто-то слышать. Постепенно отчаяние всё сильнее и сильнее сжимало сознание своими тисками, тихо нащёптывая, что не стоит себя утруждать и надо поспать. И Андрей уже почти свалился в эту яму, но контуженный взрывом мозг на фоне панической вспышки уже записал и методично воспроизводил полученную команду, посылая импульс к сокращению мышц ноги, послушно задевавшей носком полуоторванную дверь автомобиля, которую толкал обратно выпавший из салона резиновый детский мяч. В этот момент его и обнаружил Андрюша. Державшаяся на энергии коротких монотонных импульсов нервная система не вынесла перегрузки, какой мозг посчитал скачковое изменение однообразной деятельности, и отключилась. Сейчас это напряжение вытеснила боязнь темноты. Петухов рос мальчиком неглупым и любознательным, а родители, зная это, прилагали все усилия, чтобы его любознательность заполнить полезными ресурсами. Поэтому, заметив краны, мальчик правильно предположил, что они предназначены для спуска воды, которая обязательно должна оставаться в трубах. А значит можно её извлечь. Пить хотелось постоянно, – сказывались длительное обезвоживание и сотрясение. К тому же их было трое, и все ранены. Потрогав краны, Андрей убедился, что в одиночку их не открыть. Догорающий факел вынудил вернуться и ясно обозначил проблему с освещением. Пока его отсутствие было ребятам на руку, но так не могло продолжаться долго. Нужен был свет. Во весь рост встала и проблема обитания в подвале. Это фактически была импро-

визированная тюрьма – главный выход заперт или кем – то заблокирован снаружи. Имеются только два маленьких окна под потолком и через одно из них они сюда проникли. Второе было в соседней комнате.

Тут опять застонал и заворочался Андрюша и приятель решил снова напоить того остатками чая. 3. Подкрепившись и снова хлебнув горького чаю, Андрюша выслушал рассказ Петухова о его приключениях и подвале. Рассказывать тому было особенно нечего. Андрей почти ничего и не помнил, таким сильным был его испуг. В короткометражке, склеенной из чёрно-белых и местами (где хлестало пламя) цветных обрывков памяти, остались только выход за дверь школы с надеждой скоро попасть домой, где остались недоделанные на завтра алгебра и химия. Следующий кадр явил сплошную стену огня, несущийся из неё, словно из ада, огромный чёрный внедорожник с тряпичной куклой за рулём, брызнувший осколками и чем-то ещё, бетонную могилу, в которой с ним соседствовали чьи-то крики (недолго, а может и долго, как знать?), а также сводившие с ума жажда и шуршание оторванной двери.

Обсудив ситуацию, ребята решили какое-то время остаться в подвале, – перевести дух, – слишком уж плохи были все трое. Возникла и новая проблема – стали воспаляться царапины, в которые попала грязь. Это чувствовалось по нарастающим боли и зуду.

Оба понимали, что долго в подвале не удержаться, – или найдут, или голод и травмы вытолкнут наружу на поиск еды и лекарств. Вместе осмотрев трубу, мальчишки обнаружили подтекающий кран, который стали разогревать, поджигая вокруг бумагу. Кран проскрипел что-то недовольное и немного повернулся, подарив тонкую струйку воды, которую Андрюша стал собирать в предусмотрительно подготовленный термос. Тот наполнился, но вода продолжала поступать, давая возможность умыться и слить немного для животного в до блеска вылизанную голодной собакой салатную банку. Впервые за двое суток нормально умыв лицо и руки, насколько это позволяли обстановка и темнота, ребята сняли ботинки, по очереди подставляя ноги под прохладную струю. Нехитрые процедуры принесли невыразимое блаженство, позволили улучшить кровообращение в гудящих ногах и вскоре, загасив остатки факела и не забыв перекрыть подачу воды, оба спали, притулившись на импровизированной кровати из собранных в углу книг. Засыпая, Андрюша увидел прямо перед носом медицинский справочник 1957 года издания. Собака пристроилась в ногах, приятно их согревая. День, чей бордово-розовый закат не обещал назавтра ничего хорошего кроме тёплой – почти летней – погоды, клонился к вечеру. Ночь принесла ожидаемую неожиданность – в городе усилилось движение войск, то и дело по тёмным улицам группами разъезжали грузовики и бронемашины, подсвечивая фарами небо и чёрные провалы развалин, добавляя к смердящей пелене другие запахи войны – пота, пороха и сгоревшей солянки. 4. За эти долгие два дня Андрюша постепенно и как-то быстро свыкся с постоянным ощущением голода – верным спутником любого кризиса, и стараясь не обращать на него особого внимания, потянулся и хлебнул полкружки чуть затхлой воды. – Всё-таки сон – великая вещь! – думалось ему, поскольку голова побаливала лишь отчасти, и чувствовал он себя куда как лучше вчерашнего. Подсохли и уже не так беспокоили царапины, перед сном кое-как обмытые и осторожно вытертые насухо наиболее целым и более – менее чистым куском подкладки куртки (если такой можно было считать нацепленные сверху немыслимо грязные лохмотья с полуоторванным рукавом) и заклеенные сверху пожелтевшими от старости, но чистыми листами из какой-то книги. Петухов спал, по детски подтянув под грудь коленки и положив ладони под голову с противоположной разбитой брови стороны. В темноте оценить состояние его раны было трудно и Андрюша решил посмотреть, когда тот проснётся.

В случайно нырнувшем в темноту подвала лучике света блеснула внимательными глазами собака. Нацедив ей в банку немного воды, которую та с удовольствием вылакала, в благодарность помахав хвостом, Андрюша уселся на книги, машинально подтянув к себе на колени пыльный медицинский справочник. Относительная тишина подвала, изредка нарушаемая

отдалёнными шумами снаружи, располагала к размышлениям. В голову лезли всякие мысли, но по складу характера Андрюша при всей своей подростково – детской рассеянности в мелочах, вырос прагматичным человеком и во всём предпочитал определённую конкретику. Этому способствовало и получаемое музыкальное образование, – скрипка и ноты не терпят фальши и требуют точности. – Скрипка! Чёрт! Я же скрипку нёс! – зашипел себе под нос раздосадованный Андрюша, как будто не было других, гораздо более сложных проблем, чем потерянный и едва ли уже существующий в этом мире конкретный музыкальный инструмент. Не ходить же на его поиски в самом-то деле? За этими раздумьями время подошло к рассвету. Размышления привели Андрюшу к нескольким выводам. Он хорошо понимал, что вдвоём в условиях военного конфликта и фактической оккупации им долго не протянуть, а значит нужны союзники. И не просто какие-то случайные люди, а те, кто остался среди активной части населения и пока не попал под контроль оккупационной администрации. Возможно действующие или бывшие военные, сотрудники других силовых ведомств. Очень был нужен врач и тоже лучше военный. Из насущных проблем прежде всего необходимо было позаботиться о новой одежде и питании, и лучше если его источник будет постоянным. Оружие тоже бы не помешало. Местом его получения могли стать не только оружейные магазины, но и разбитые и пока не захваченные коалицией полицейские учреждения и посты или бывшие очаги сопротивления (автоматный магазин он обнаружил именно в таком месте). Взяв магазин, Андрюша осмотрел его, не найдя неисправностей, и выщелкнул в ладонь пять совершенно целых зеленых патронов с тонкими пулями и блестящими точками капсюлей в донце. Почему магазин не был полон или до конца пуст Андрюша не понял. Он так никогда и не узнал, что старший лейтенант полиции со смешной и мирной фамилией Пирожок, ползком из патрульной машины отступил под своды магазина ковров, имея «Макаров» и АКСУ, когда улицу зачищал 9 секшен англичан. В машине навсегда остался старший сержант Усатов, получивший два дополнительных отверстия в грудь из 12, 7 мм британского пулемёта. В том своём последнем бою Пирожок насмерть срезал из автомата какого-то придурка с экзотической на этих улицах автоматической винтовкой, недостаточно быстро прыгнувшего за перевёрнутый автобус. При стрельбе перекосило патрон и, теряя драгоценные секунды, магазин пришлось сменить, заранее преодолев утыкание ударами по затвору. Когда новый магазин опустел, Пирожок применил пистолет, выцеливая десантников, совавшихся внутрь. Один из них словил его 9 мм в бедро – он видел, как тот взвыл и покатился по дороге, зажимая вспухшее на ноге кровавое пятно и поднимая этим лейтенанту настроение. Потом очередь сбоку снесла полицейскому череп, и опустевший к этому моменту горячий пистолет полетел между камней.

– Негусто, – мрачно констатировал Андрюша и вернулся к своим мыслям, машинально вставляя патроны обратно. А мысли потекли дальше и тут он вспомнил поведение собаки, которая, когда он её заметил, кружила на одном месте, да ещё с куском мяса (!). Этот вопрос не давал ему покоя и Андрюша быстро сообразил, что и развалины и полуживые дома могут стать источниками необходимого. В Томске было полно охотников и все они из чего-то стреляли и где-то это что-то хранили. Тут же полыхнула мысль, что на оружие и ресурсы могут найтись конкуренты – такие же оборванцы и мародёры поневоле. И если вернуться к поведению собаки, а она явно охотничья, то там где она была и следовало искать. – Да что за место там такое проклятое! – пыхтел про себя Андрюша, – Уйти не успели, как опять туда затаскивает. Ну нет, не так быстро. Да и опасно – слишком близко к центральной улице, могут сцапать. Возможность по тихому «посетить» оружейный магазин тоже отпадала. Наверняка военные о них знают и постараются пресечь там грабёж. Да и жители ближних домов, кто уже очухался, тоже не оставят такие объекты без внимания. Минусом было, что магазины находились далеко от теперешней их стоянки и добраться туда незамеченным, а тем более уйти с места, маловероятно. Оставались развалины и малоприметные дома. Андрюша решил, что начать надо с домов, пусть там и велика вероятность кого-нибудь встретить. Этими соображе-

ниями он поделился с проснувшимся Петуховым. Наскоро умывшись, попив воды и дожидаясь на троих «подарок слесаря» – крошечный кусок сала и хлебную корку, к которой он прилип, ребята решили действовать. Петух припомнил, что когда вчера перебежал улицу, видел чуть ниже вывеску магазина одежды на первом этаже относительно целого жилого дома. Ещё раз осмотрев дверь, выводящую внутрь помещения, мальчишки решили не пробовать открывать её. Неизвестно что ждало бы их с другой стороны, да и в существующем положении вещей сохранялась какая-никакая безопасность временного убежища, – ну кто вдруг полезет в закрытый снаружи подвал? Разве что какой-нибудь очень ретивый мародёр, он же бомж, или оккупант. Но такое развитие событий представлялось ребятам маловероятным. Едва они засобирались, как заскулила и запросилась на улицу собака. Брать её было нельзя. Залает – выдаст укрытие. Вобщем, натаскав на трубы в соседней комнате книг, среди которых обнаружили не только приснопамятный медицинский справочник, но и прелюбопытная, хоть и старенькая брошюра «Устройство лагеря в лесу», которую Андрюша сунул под куртку, намереваясь изучить позже, парни устроили подобие платформы для подсадки в подвальное окно. На удивление, окно в этой комнате оказалось шире, и убрав загораживающий его изнутри лист фанеры, ребята прислушались и выпустили собаку. Затем полезли наружу, вооружившись стареньким хозяйственным ножом.

Глава 5. РАЗВЕДКА

Предполагаемая миссия скорее намечалась как сбор информации, чем поиск полезных вещей. Детального плана не имелось. Да и как его разработать, не сложив представление об окружающей обстановке, чтобы оценить информацию? На коротком совете ребята решили осмотреть ближние дома, выяснить что-нибудь о передвижениях войск, по возможности раздобыть еду и одежду. А дальше события понеслись вскачь, постепенно ускоряясь. От окна ребята уползли к забору, откуда осмотрели покинутое здание.

– Колледж – прочитал кусок обгорелой вывески Петухов. Здание выглядело почти целым, только множество разбитых стёкол и следы пожара на первом этаже смазывали впечатление. Парадная дверь была распахнута, зияя чёрным беззубым ртом, застывшим в немом крике боли.

Сзади шумнула собака. Обернувшись, мальчишки увидели как она, тихонько ворча, что-то откапывает из валявшегося в изобилии баракла неопределённого вида – тряпки, смятый картон, какие-то чертежи и другое имущество, бывшее когда-то полезным и нужным. Зубами собака вытянула из кучи полуоткрытую пластиковую коробку, из тех, что используют для переноски еды. Вмешавшиеся ребята отрыли в коробке, от которой вкусно пахло, несколько завернутых в фольгу и съеденных на месте бутербродов со шпротами. Шпроты были копчёные, в масле. Подсохли, но совсем не испортились. Набив рот и пасть, все трое жадно и быстро пережёвывали добычу. Желудки, казалось, заурчали с громкостью танковых двигателей. Говорить с набитым ртом было трудно, и кое-как прожевав очередной кусок невероятно вкусного бутера, Андрюша заговорил громким шёпотом.

– Где магазин?

– Там, левее, метров пятьдесят, – Петухов, подставляя ладонь под вываливающиеся из рта крошки, махнул рукой в сторону улицы, ведущей к реке. Запихнув их обратно и поднимаясь, сказал: – Идём, я покажу.

– Куда встаёшь, дурак! Заметят ещё! – Андрюша дёрнул тёзку вниз. Тот сообразил и присел, оглядываясь. Потом, пригибаясь и ныряя за кучи, двинулся к дороге. Пёс, проглотивший свою долю, потрусил следом. Закинув последний кусок в рот и жуя на ходу, Андрюша поправил очки и поспешил за друзьями.

Придвинувшись к дороге, ребята разместились среди полуразгромленных автомобилей, несколько десятков которых скопилось на обочине. И некоторые из них уже были кем-то разграблены. Наблюдая через рваную дыру в боковой двери «Логана», Петухов знаком показал Андрею остановиться. Тот сразу залёг и тихонько подполз.

– Что там? Где магазин? Прoberёмся?

– Тихо. Есть кто – то на той стороне.

Андрей вдруг услышал через дорогу отчётливый шум скатившегося камня. Потом среди развалин мелькнула и скрылась тень. Никто не высовывался. Было ясно, что незнакомец на той стороне тоже прятался. Оккупанты бы так себя не вели и действовали открыто. Прошло ещё около получаса, но никто так и не появился, а умения ждать ребята ещё не выработали. Обменявшись знаками, они решили обойти это место ниже и перейти дорогу напротив магазина. От перекрёстка этот участок не просматривался. Движение вдоль домов по улице вниз было затруднено. Едва начав спускаться, Андрюша зацепился взглядом за опрокинутый на бок на другую машину «Лексус». Свисающая вниз дверь открывала вид в залитый почерневшей засохшей кровью ещё недавно белый кожаный салон. Останки водителя в весёлой цветной рубашке свисали из-за руля. Подавив приступ тошноты (впрочем их становилось всё меньше), Андрюша заглянул в салон. Сердце сжалось, потому что из – под водительского сиденья блеснуло тёмным металлом, а из разбитого бардачка почти под ноги вывалилась целая автомобильная аптечка.

Морщаясь и аккуратно отодвинув останки руки мертвеца, Андрюша сунулся под сиденье. Но увы, блеск металла выдавала металлическая трубка каркаса. А вот на поясе водителя висела короткая кожаная кобура, из которой торчала широкая пистолетная рукоятка. С трудом расстегнув защёлку, залитую уже успевшей хорошо засохнуть кровью, мальчик потянул за рукоятку. Ствола не было, и прямо в рукоятке торчали толстые и длинные серебристые патроны, снаряженные стальными обрезиненными шариками.

– «Удар», – прочитал Андрюша, осматривая добычу.

– Ого, травмат что ли? – зашипел сбоку Петух.

– Да. Аптечка ещё. Двигай давай. – Андрюша тихонько сместился дальше, намереваясь попозже вернуться и пошарить основательней. Метров через двадцать Петух нагнулся и поднял с земли что-то продолговатое, оказавшееся батончиком «Сникерс» в упаковке.

Собака куда-то делась. Покрутив головой, Андрей заметил её уже на другой стороне дороги мелькающей среди куч. Внезапно в небе раздался приближающийся шум вертолёт. Подняв голову, Андрюша увидел как где – то над городским театром, не так далеко, неторопливо в сторону Северска пошёл чёрный, с незнакомыми хищными формами, увешанный ракетами и бронью вертолёт с опознавательными знаками Великобритании. Бортовая пушка смотрела вниз, а из открытой боковой двери торчал пулемётчик.

– Сука, разлетелся! – со злостью подумал Андрюша, мечтая прямо сейчас вклепить в эту великолепную механику не менее великолепную ракету ПЗРК «Игла». Внезапно вертолёт начал боевой разворот над рекой и пулемётчик открыл огонь по кому – то внизу – стук пулемёта стал слышен чуть позже, чем появились вспышки у ствола. Укрывшись и задрав голову, ребята смотрели в небо и оба лихорадочно думали. Тут Петух дёрнул Андрюшу за рукав, – Скорей, надо туда подобраться. Кого он там бьёт, значит боится или зачищает! Значит там свои есть. Встретиться бы! Давай! – слова летели из парня, как из того же пулемёта в небо.

Андрюша дёрнулся было, но сказал: – Нет, не торопись! Наверняка он подмогу вызвал. Оцепят сейчас всё, в засаду попадём. Смотри!

От вертолёта отделились две серые дымные полосы, направленные к земле, где ухнули подряд два взрыва. Но и снизу вдруг тоже ответили. Другой дробный стук снизу прорезал небо и вертолёт выполнил манёвр уклонения вправо, уходя от атаки и снижаясь.

– А-а-а-а! Не нравится! – повеселели мальчики, поглощённые видом боя. Тут снизу по улице донёсся приближающийся рёв грузовика и чего-то ещё. И совсем близко от ребят на улицу вылетел большой серо-зелёный тентованный «Вольво» с жёлтым крестом на синем прямоугольнике национального флага на боковой дверце. Машина была явно с солдатами. Тут уж Андрюша понял, что в прошлый раз видел именно этот флаг. Машина пролетела вверх по улице и свернула в сторону театра.

– Шведы – констатировал Петух, кивая на знак.

– Говорил же – подмогу вызовут – ответил Андрюша. Справа по улице Ленина или сверху из-за остатков кинотеатра, Андрюша не разобрал, проехало что-то гусеничное, тоже стягиваясь к месту стрельбы. Бой не затих. Напротив, через несколько минут интенсивность его возгорелась, добавились нотки лёгкого стрелкового оружия и тьяканье автоматической пушки.

Бой тянул магнитом и ребята, не сговариваясь бросились туда. На бегу Андрюша проверил предохранитель «Удара» и заметил, КАК Петухов сжимает в руке кухонный нож. Собака, покрутившись на месте, ринулась за ребятами. По всей видимости, в горячке боя их никто не заметил и парням удалось подобраться достаточно близко. Бой шёл в районе Правительства, среди прибрежных развалин и зданий. В основном огонь вертолёта вёлся по остаткам Арбитражного суда и прилегающим к нему домам. Туда же стягивались шведы, составом около взвода, стараясь прижать оборонявшихся к реке. Просочившись на второй этаж какого-то дома, мальчишки залегли, сквозь дыры и оконные проёмы пытаясь что-то разобрать. С вертолёта их было не видно – мешали дым и развалины выше, а стянувшиеся к месту войска

вели ответный огонь. День становился всё интересней. Оборонявшихся было немного или они не показывали свои силы, с разных точек редко огрызаясь на очереди шведов. Одна такая точка, достаточно часто бывшая по врагу, была совсем рядом, в нескольких десятках метров левее, где – то на уровне второго этажа, и ребята опасались, что при сосредоточении огня в этом районе и если ещё подключится вертолёт, их могут накрыть. Надо было смещаться, но ребята замешкались. Снизу справа и впереди на площади слышались отрывистые команды и кто – то побежал от остатков фонтана к развалинам торгового центра и стоматологической клиники. Грохнул выстрел и «кто-то», уронив винтовку, скорчился на земле. Шведы, конечно, давили численным и огневым перевесом. Против вертолёта шансов не было. Да тут ещё справа на площадь подобрался ближе игрушечного вида серо-зелёный броневилок, с которого к набережной потянулась огненная строчка крупнокалиберных трассеров. На боку Андрюша разглядел маркировку «Р-302» и заметил стрелка. «Р-302» высадил позади себя целое отделение пехоты, которое стало шустро разбегаться по укрытиям, покидая машину. Но... Со стороны перекрёстка, откуда-то из остатков кафе перед развалинами торгового центра «Дирижабль» (смятая сейчас металлическая имитация контуров летательного аппарата, установленная на крыше центра всегда была отличным ориентиром), в десантное отделение «Р-302» с шипением потянулся дымный след и кумулятивная граната старого, но надёжного, ещё советского (!) 1977 года выпуска РПГ-7в, расстроила планы зачистки, добросовестно воткнувшись в спинку кресла механика- водителя, в котором, как и в приборной панели перед ним реактивная струя раскрыла пространство, чему он удивиться уже не успел. Грохнул оглушительный взрыв, превративший бтр в лопнувший пузырь, а не успевшее как следует разбежаться отделение королевской морской пехоты (а это были «береговые егеря») исчезло, оставив после себя немного пепла, обугленные фрагменты тел тех, кто успел скрыться дальше, и малость экипировки – всё-таки солярка горит хорошо и имеет самую высокую среди жидкостей проникающую способность. Фонтан огня выглядел праздничным салютом. В огне Андрюша увидел кувыркающиеся подлётевшие вместе пулемёт и верхнюю половину стрелка, в предсмертной судороге зажавшего спуск. От набережной, во фланг наступающим и на какие-то секунды подрастерявшимся от взрыва «егерям» короткими ударил пулемёт, скосив приподнявшего голову за фонтаном стрелка. Радист, успевший со своей коробкой нырнуть к остаткам железного ограждения, где в мирное время влюблённые пары при бракосочетании вешали символические замки, даже успел разобрать на одном английском слово «love», когда другой стрелок, почти напротив него, из канализационного колодца в глубине двора двумя выстрелами навсегда изменил ему конфигурацию головы. Андрюша вспомнил звук очередей – слышал в документальном фильме про стрелковое оружие, и пихнул вбок Петуха: – Слышь, «Печенег» это. Было страшно, но кричать «Ура!» и отхватить на скаку шашкой кому-нибудь голову тоже безумно хотелось. Горевшие глаза на грязных лицах говорили сами за себя. Новые впечатления наполняли ощущение всемогущества. При этом, несмотря на страх и опасность быть обнаруженным или даже погибнуть, Андрюша и Петухов головы не теряли. Андрюша по звукам боя и характеру действий обороняющихся понял, что противостоят шведам люди, понимающие в тактике городских боёв. Петухов пришёл к похожему выводу, чем горячо поделился с Андрюшей. Обозлённый пилот вертолёта стал поливать площадь и здания из автоматической пушки. Головы было не поднять и ребята сползли ниже. Собака, прижав уши, скулила, испуганными глазами глядя на пацанов. Прижавшись к участку стены, загораживающему от вертолёта, ребята откашливались. Шведы тоже быстро очухались и стали действовать осторожнее, пытаясь обойти оборону с улицы Ленина. Часть по команде ринулась искать гранатомётчика. Это скоро стало известно, потому что из остатков кафе ухнул сильный взрыв, и осколки с визгом порезали дымный воздух на лоскуты. Бонус «ф-1 от гранатомётчика» в виде растяжки над позицией, на уровне лица входящего замаскированной под кусок свисающей электропроводки, достался капралу Оливеру Улссону, который тут же направился в Валгаллу без головы (не стоило небрежно

отмахивать рукой). Остальные пятеро брызнули вон, поминая фурий и Одина. Просто гранатомётчик в своё время закончил военную службу сержантом инженерных войск и к своим 35 годам, прослужив по контракту несколько лет, успел устроить немало таких сюрпризов для определённых людей в чеченских горах и посёлках. К тому же он жил тут неподалёку, пока дом был цел, знал местность прекрасно, а гранатомёт и другие знакомые и полезные в нынешних условиях предметы быта получил позавчера, после знакомства с отделением нацгвардии, оборонявшим городскую дорогу к Северску. Туда, в маленький двор посреди зелёных кедров, близко к дороге, всего три дня назад он поехал пить пиво с друзьями. Убили обоих, когда они вышли на трассу, гонимые взрывами и пожарами. Своего жилища у него уже тоже не оказалось, и поэтому основным смыслом своей дальнейшей деятельности гранатомётчик и сержант запаса Сергей Ушаков видел восстановление существовавшего порядка вещей. И если дома следовало прибраться, то инструменты для этого новые друзья вручили ему вовремя и подходящие. Но бой продолжался и поредевшие «егеря», поддерживаемые пилотом и пулемётчиком, усилили натиск. Британцы в эту кашу соваться не стали. Оцепив сектор берега и отрезав этим оборонявшихся от города, англичане предоставили союзникам по коалиции право умереть или добить партизан. Положение последних было плохим. Но никто и не думал сдаваться. Из шести человек – остатков отделения нацгвардии, вооружённых «Печенегом», автоматическим гранатомётом АГС-30 и «Калашниковыми», сержанта – отставника с крепким пивным перегаром, ставшего гранатомётчиком, и двух примкнувших бывших десантников – сорокалетних мужиков, крепких как дуб, холодных и спокойных как кирпичи, вооружённых охотничьим ружьём на двоих и какими-то ножами, но в грязных от копоти тельняшках, получился неплохой полувзвод. Возглавлял эту группу офицер внутренних войск Александр Шилов. Практически все в полувзводе имели представление о городских боях, полученное на учёбе или их опыт в прошлом, поэтому выжили при первом натиске. Шведы устроили перед домом правительства блокаду его обитателей и успели оборудовать в помещении Сбербанка напротив небольшой блокпост, чтобы контролировать весьма важный участок дороги, соединяющий город. Группа, выдвинутая с позиций, и примкнувшие к ней в бою бывшие военные, вышли в центральную часть вчера к ночи, захватив какой-то британский драндулет (пришлось перерезать горло водителю, имитируя дорожную аварию, загородившую проезд), на котором с шиком и быстро, пользуясь общей неразберихой, проехала полгорода, бросив его в переулках в районе Речного вокзала. Разумеется с «подарками». Тутгодились две завалявшиеся у водителя гранаты. Одну Ушаков, которого с лёгкой руки одного из десантников стали звать «БУМ», установил на подрыв при открывании капота, пристроив внутри, где скинул с клемм аккумулятора контактные провода электросистемы. Вторую сунул под бензобак, спустив от неё под колесо тонкий шнурок, выдернутый из полевых штанов негра, и аккуратно намотал его на ходовой привод, чтобы натянутый вращением шнурок привёл бомбу в действие. – Как здоровый чёрный шкаф стал англичанином? Может родился там? Или из беженцев? – подумал тогда Шилов, поторапливая бойцов, пихавших труп в колодезь. Впрочем, откуда был негр, теперь было неважно. Смешными выглядели его фиолетовые стринги.

– Местный значит, из Лондонграда, – вздохнул тогда Шилов. Старшина Кулиев, руководивший расчётом АГС, подошёл по комплекции и в ответ на приказ Шилова надеть чужую форму и занять место водителя тихо ругался.

– Сергеич, ну нахрена мне рядиться под этого педика?! Да ещё черного? Тьфу! Остальные из группы молча улыбались. С тех пор прошло сто лет. Сейчас Сергеич лежал среди камней, выцеливая шведа с нашивками капитана, то и дело выкрикивавшего короткие команды и мелькавшего слева впереди между машин. Егеря приближались, и Шилов дал короткую по перевернутому на бок «Шевроле» через крышу. Там запел рикошет и кто-то, видимо капитан, огрызнулся очередью из автоматической винтовки. Справа и выше от кирпичей полетели клочья.

– Пристрелялся, гад – подумал Шилов и тут же откатился за кучу. Он не видел, что по команде капитана трое бойцов почти обошли его правее, выходя во фланг. Там лежал на прикрытии один из его гвардейцев, но уже был мертв, – достал кусок бетона в висок, выбитый взрывом ракеты с вертолѐта. Слева коротко постреливал из АК-74 и матерился ещё один. Кулиев с бойцом и прикрывавшая их десантура заранее сели на третьем этаже здания суда, спрятав АГС в глубине и выжидая, когда на площадь втянутся все атакующие. Они знали, что Сергеичу трудно, но приказ был выжидать и накрыть всю компанию, раздав «всем сестрам по серьгам». Старший сержант королевской морской пехоты Улле Свенсен, однофамилец знаменитого спортсмена, получив задачу от капитана на обход русского пулемѣтчика, с рядовыми Ларссоном и Пальме прячась за мусором и стенами, аккуратно обходил стрелка по развалинам. Тот экономил патроны. Свенсен тоже не знал, что движение его группы через пролом в стене засѣк не очень хорошо видевший подросток в полуразбитых очках, прятаящийся на втором этаже в соседнем на пути доме. Андрюша, наблюдая за площадью, услышал шорох внизу, и краем глаза уловив там движение, тут же отпрянул от щели – война быстро учит. Бесшумно сместившись к другой дыре, Андрюша, наблюдая из глубины, увидел троих шведов, подкрадывающихся к пулемѣтчику справа. До линии прямой видимости им оставалась пара домов. Пнув Петуха, Андрюша молча показал ему на пулемѣтчика, потом ткнул вниз, показав три пальца и прошипел

– Шведы. Трое. Обходят.

– Как отвлечѣм?

– Шумнѣм, они проверят. Надо.

– Убьют...

Переглянувшись, ребята поняли друг друга и молча поползли на край, полагая отвлечь уже почти миновавших дом солдат. Петух подполз ближе и, привстав, что есть силы метнул кусок кирпича за стену, в сторону егерей. Послышались шум и сразу отрывистая команда. Следом кинул кирпич Андрей и чуть сунулся в дырку, решив увидеть результат. Едва он появился, короткая очередь в три патрона выбила над проѣмом пыль и посекала осколками бетона щеку. Бояться было некогда, и Андрей снова кинул камень. К дому затопали. Кто – то подскочил внизу и дал длинную очередь, весьма разумно рассчитав, где прячутся ребята. Солдат что-то пролаял, видимо требуя поднять руки и выйти. Потом ботинки зашуршали на лестнице, почти сразу за стенкой, закрывавшей их от пролѣта. Андрюша насупился, внутри боролись растущее напряжение и страх, он вытащил снятый с предохранителя «Удар», до боли сжимая рукоятку. Тут Петух кинулся в ноги и Андрюша увидел, что он судорожно разгребает камни. Мгновенно поняв, ЧТО тот хочет, Андрюша лёг на спину ближе к стене, упѣрся спиной в обломки сзади, а ногами в кусок стены, выходящий сбоку на пролѣт, и что есть силы стал его толкать. Петухов кинулся рядом помогать. Трясаясь от страшного напряжения и тяжело дыша, с вылезающими из орбит глазами и бордовыми от прилива крови лицами ребята обрушили в пролѣт высокий кусок стены, лопнувший по цементному шву кладки у основания при взрыве. Грохот поглотил сдавленный крик, а взвившаяся пыль закрыла их от обзора.

Свенсен, увидев попавший в стену кирпич, а за ним ещё два, понял, что сзади их ждѣт засада и метнулся с бойцами под стенку. Ларссон по команде двинулся по лестнице, чтобы выманить партизан на себя. Ясно же было, что они кидают камни, так как кончились патроны. Гранат не было слышно с начала боя. Значит гранат у них тоже нет. Подобраться к бунтовщикам скрытно можно было только с лестницы, откуда бойца закрывала стена. Пальме по его сигналу двинулся на первый этаж и правее, чтобы расстрелять сепаратистов, когда их спугнѣт на него Ларссон. Сам сержант чуть сместился по двору и остался контролировать периметр. Отсюда он увидел, как кто – то через дыру выглянул во двор. Загоняя сепаратиста обратно, выстрелил по щели и тот спрятался. Под шумок Ларссон поднялся на пролѣт и скомандовал засевшим сдаваться. Тут стена справа от Ларссона качнулась и рухнула, завалив кирпичами.

Поднялась пыль. От неожиданности сержант опешил, но тут же вскинул винтовку, намереваясь садануть в клубы пыли, как ему в затылок въехал пароход «Королева Виктория» и Свенсен рухнул лицом вперёд. Мальчишки этого не видели, но сейчас первым среагировал Андрюша, пока не осела пыль пихнув Петуха ногами вбок от обвала. Справа кто-то быстро карабкался по куче наверх и прямо перед глазами мальчика возникли молодые глаза под обрезом незнакомой пыльной каски, забранной тряпичным чехлом. Похоже, солдат (а это был Пальме) никак не ожидал увидеть перед собой воскресшую мумию с оцарапаной щекой и безумными глазами, поэтому удивился не меньше. Раздумывать было некогда и Андрюша поднял «Удар». Тут откуда-то сверху загрохотал АГС, и осколочные 30-мм гранаты ВОГ-17м восстановили душевное равновесие Кулиева, накрыв автостоянку, где ползал шведский капитан. Вертолёт в небе не наблюдалось и куда он делся Андрюша в горячке боя не заметил.

Под разрывы гранат АГСа очкарик, пользуясь что стрельба шведов несколько утихла, ринулся вниз, наплевав на всю безопасность. Спрыгнув прямо на труп Пальме, благо тот упал совсем рядом, Андрюша выхватил застрявшую между камней винтовку и судорожно дёргаясь, рванул на погибшем ремень, где крепилось снаряжение. Сверху раздался шум и показался Петух, – грязный, с перепутанными волосами, забитыми кирпичной крошкой, но с полностью соответствующим фамилии победным видом, держа за ремень винтовку Ларссона. В другой руке у него был запасной магазин, вылетевший из подсумка при падении. Ремень и снарягу придавило и вытащить их времени не было. – Андрюха, скорей! Сейчас ударят! Бегом! – помогая другу взобраться наверх, возбуждённо шептал Петух. Карабаясь, ребята не заметили, как на пролёте появилась новая тень, которая отделилась от стены, едва они поравнялись. Андрюша вскрикнул от испуга, когда закопчёная рука с грязными обломанными ногтями дотронулась до плеча и негромкий, но твёрдый голос сказал, а скорее скомандовал: – Тихо. За мной вперёд. Тень сформировалась в фигуру здорового мужика в порванной десантной тельняшке и с такой же винтовкой (поделится Свенсен). На чужом поясе болтались подсумки, несколько гранат и нож. Небольшую рацию «Эрикссон», которая периодически шипела и ругалась на скандинавском и английском, мужик держал в руке. – За мной! Быстро! – повторил мужик и резво побежал вглубь развалин. Ребята, держа винтовки за цевьё, кинулись следом. Метров через пятьдесят справа из-под земли вырос такой же в тельняшке, но с охотничьим ружьём, с вертикально расположенными стволами довольно крупного калибра, как успел заметить Андрюша. Охотничьи калибры он знал слабовато и на глаз решил, что это 16-й, хотя был 12-й. Мельком глянув на винтовки и коротко кивнув, второй махнул рукой в сторону Московского тракта. – Туда, остальные прошли. Сергеича встречу, догону. Ребята побежали за мужиком с винтовкой. Ещё метров через сто, пробираясь через развалины ТЮЗа мимо сгоревшего парка, «тельняшке» кто-то негромко свистнул и тот, мгновенно скрывшись за кучей и заслоняя собой пацанов, выставил винтовку. Но свист повторился и сбоку кто-то негромко прошипел: – Витя, сюда! Над мусором возник молодой парень в каких-то немислимых здесь рваных спортивных штанах со следами ожога, разбитых кроссовках и военной куртке, держа в одной руке трубу гранатомёта, другой показывая направление. За Ушаковым все трое скатились в какую-то яму. Там уже сидели, тяжело дыша и размазывая струившийся пот ещё трое – расчёт АГСа. Через минуту зашуршали камни и рядом появился «тельняшка», а с ним невысокого роста и плотного телосложения лысоватый военный в полевой форме, в тельняшке с бордовыми полосами, со знаками различия майора. На колени он спустил «Печенег», от ствола которого ощутимо веяло теплом. Глянув на компанию, майор помрачнел. По всему выходило, что бой выбил из группы троих бойцов.

– Где остальные? – спросил майор у всех.

– Костю убили, – попал под вертолёт. В сторону Вадика и Михалыча пулемётчик сверху бил долго. Что с ними, не знаю, – ответил десантник Витя и тут же переключился.

– Как дальше, командир?

Остальные молчали. Сверху и уже недалеко слышался рёв вертолёт, а по улице Ленина к месту атаки загрохотали гусеницы. Слышно было, как близко скрипнули тормоза грузовика, подъехавшего со стороны реки. – Уходить надо, зажмут нас, – спокойно сказал Ушаков, поправляя гранатомёт на коленях. – Уже – Произнёс умело и скрытно наблюдавший за передвижением наверху десантник с ружьём. – К реке не уйдём, Московский отрезают, слышите. Зачистка пойдёт сейчас. Или беспилотники вызовут, коли не найдут. Разозлили мы их. Валить надо. Монолог прервал Андрюша, которого ещё держал адреналин боя. – Тут подвал рядом. Мы с Петухом сидели, знаем. Вода есть. Недалеко, во дворах. Дорога быстрая. Ну? Успеем. Петух тоже подключился, наперебой с другом убеждая офицера.

– Хорошо, ведите. Всем вперёд, Ваня замыкает, – поднялся майор, обращаясь к ребятам. Все вскочили и Андрюша с Петухом, перекинув через шею за спину наспех кое-как подогнанные ремни винтовок, быстро полезли из ямы по склону и поползли вперёд, обходя уже знакомые им развалины – слишком уж часто пришлось тут ползать.

Неожиданно рядом с Андрюшей из ниоткуда возникла знакомая собачья морда, глядя виноватыми глазами.

– Рядом! – выдохнул тот не останавливаясь. Группу замыкал Ваня – десантник с охотничьим ружьём.

Глава 6. СНОВА ПОДВАЛ

Как оказались в подвале Андрюша почти не помнил. Горячка боя и последующие события, Пальме с выбитыми в каску мозгами, чью фамилию он разобрал на залитой кровью куртке, винтовка, которая приятно оттягивала руку и придавала уверенность, безумное переползание среди куч, и потом, почти не прячась, короткие перебежки за «Ковровым двором», между разбитых домов и мёртвых автомобилей, набитых мёртвыми водителями и мёртвыми пассажирами (мельком Андрюша заметил труп девочки, разорванной одновременно двумя автомобилями) – всё это отключило полноценное восприятие, пропуская картины мимо сознания и механически фиксируя «объекты». – Ваня, Витя – проверить здание, Кулиев – спрятать АГС, остальные вниз. Ваня останься, понаблюдай. Через час спустишься, – команды майора вернули Андрюшу в реальность. Десантники осторожно проникли в колледж через разбитое окно, Кулиев с расчётом исчезли куда-то под землю, остальные, кряхтя и тихо поругиваясь, сноровисто и деловито, даже как-то привычно, словно лазили по подвалам по несколько раз в день, пролезли в низенькое окно. Полноватый Кулиев в окно не втиснулся и замер в куче мусора поблизости, пока из-за здания не показался Виктор, бесшумно скользнувший из обвалившегося угла аудитории. Поманив Кулиева, десантник быстро мелькнул в парадной входной двери. Через несколько минут в комнате, где все собрались, закрипела дверь, та самая, что не могли открыть ребята изнутри, и оттуда появился старшина, смахивая с головы паутину и тихо ругаясь, – ушиб голову о низкую притолоку в темноте. Собравшиеся опустили оружие.

– В здании живых нет, Иван на крыше – коротко доложил Шилову Виктор и устало опустился в углу, прислонив к стене ружьё.

Стоял тёплый летний день, клонившийся в вечеру, и было слышно, как по улице деловито режут движками тяжёлые машины, над площадью стрекочет вертолёт. Несколько раз ухнули довольно сильные взрывы. Петух показал гвардейцам воду и те с удовольствием, но очень тихо, её пили, отчего блаженство разливалось на их уставших помятых лицах, что было ясно даже в темноте по неуволимо изменившейся общей атмосфере.

Шилов приказал сидеть молча, чтобы разговорами и случайным звуком не выдать себя, и теперь разглядывал подростков, прикидывая как с ними поступить в создавшейся ситуации. На ум пока ничего не приходило, да и мысли больше возвращались к оценке их текущего положения и поиску выхода из него. Постепенно Андрюшу стало отпускать, голова наполнилась разными мыслями, а к горлу подступила тошнота. Внутренне переживая убийство шведа, понимая и соглашаясь с его необходимостью и всеми другими важными, нужными и такими правильными доводами, Андрюша не мог пока принять этого. Мощное психологическое противоречие между суровой реальностью и разумом, вызванное событием убийства и своей прямой причастностью к лишению человека жизни, несмотря ни на какие усилия, открыло внутри какие-то клапаны, Андрюшу затрясло и вырвало как тогда, в развалинах кафе, где он с трудом узнал себя в осколке разбитого зеркала, пускавшего на бетон солнечные зайчики. Мучимый переживанием убийства, Андрюша в судорогах скорчился в брызгах собственной рвоты, размазывая её лохмотьями и что-то мыча. Десантник бесшумно оторвался от пола, приподнял его и приложив палец к губам, знаком показал место рядом с собой. Глядя в глаза солдату, пережившему саму смерть, не раз терявшему друзей, и всегда твёрдо верившему в девиз ВДВ «Кто, если не мы!», Андрюша перестал мычать и выпрямился, сжав кулаки и собрав брови в комок на переносице, яростно поблёскивая (в темноте!) разбитыми очками. Солдат положил ему руку на плечо и легонько сжал, давая этим ощущение спокойствия и поддержки. В колодцах его глаз, – через Вселенную, – едва-едва различимых в сумерках подвала, Андрюша увидел, а скорей почувствовал бешеную энергию боли и огромного, настоящего, ежедневно, ежеминутно заливающего окружающий мир тяжёлым и горьким поминальным киселём, человеческого горя и лич-

ной трагедии, непреодолимой трещиной перечеркнувшей жизнь. От этого ощущения в груди собрался мутный и плотный комок, потянуло живот и опять замутило. Но, как ни странно, с хрипами и рвотой стало легче, а рука десантника придавала уверенности и ощущение спокойствия. Конечно, убивать человека было противно и страшно. Но он шёл уничтожить тебя, не оставляя другого – убить или сдаться, победить или умереть, стать рабом или быть свободным. Третьего не дано.

Выстрел «Удара» для Андрюши навсегда поставил знак равенства между категориями «враг» и «смерть», потому что это было правильно. Погрузившись в свои мысли, постепенно он опять задремал, сбоку пригреваемый десантником, продолжавшим держать руку у него на плече, оказывая этим незаменимую и так необходимую сейчас психологическую и личную поддержку. Не отпуская мальчишку, Витя задумался, перебирая в памяти и стараясь сохранить в ней до мельчайших подробностей своих – улыбчивую Аллу и семилетнюю дочку Катюшку, заживо сгоревших в рухнувшей под натиском демократии многоэтажке возле площади Южной, и тоже закемарил. Остальные, почувствовав себя в относительной безопасности, притихли, используя вынужденное молчание в темноте для отдыха. Петухов залез на книжную кучу, где в относительном комфорте досматривал третий сон.

Мальчику снился поход с папой в кино, где на сеансе обвалилась стена, и у растерянного Петуха над головой пролетел чёрный вертолёт, беззвучно стреляя в отца из курсовой авиационной пушки, когда ансамбль скрипачей, игравший на сцене Дома творчества, где они почему-то оказались и побежали, закрыла большая чёрная дверь внедорожника... 2. Прошло несколько часов, в ходе которых войска коалиции переворачивали площадь и развалины 81 – мм миномётами Mw72, шерстили с вертолётов и потом проверяли усиленными группами зачистки на три километра вокруг. Но русские как сквозь землю провалились (что мало отличалось от действительности). На зачистке были найдены ограбленные трупы группы Свенсена, несколько стрелков взвода капитана Карлссона и труп его самого, нашпигованный мелкими осколками ВОГа в правые руку и ягодицу. Но погиб он от проникающего ранения в печень, откуда торчал полуметровый кусок арматурного прута. Документов, бронежилета и оружия при капитане не обнаружили. Зато во рту оказалась замызганное кровью и землёй скомканное распоряжение коалиции о введении для граждан обязательной регистрации. Полсотни экземпляров листовки только вчера вечером доставили на блокпост для расклейки в общественных местах и ребята капитана получили задачу распространить листовки в зоне ответственности. Но больше раздражало то, что из спины капитана торчал небольшой перочинный нож, проткнувший также заляпанную кровью смятую другую листовку, на которой в несколько быстрых и небрежных штрихов были торопливо и коряво нанесены пропеллер и английское «welcome».

Патрули задержали в окрестностях возле площади нескольких оборванцев разного возраста, которых направили в фильтрационный пункт на территории городской тюрьмы.

С темнотой поиски были прекращены во избежание возможных потерь от случайных происшествий и дружественного огня – всё-таки в городе ещё не было достаточного порядка, как и чёткого взаимодействия между силами коалиции. Поисковые группы дважды проходили вдоль здания колледжа, в считанных метрах от укрытия. Но Кулиев и Виктор, скрываясь в здании, будучи опытными бойцами, замаскировали подвальные окна, завалив одно мусором, а другое перекрыв брошенным рядом распухшим трупом какого-то работяги, сплюснутым сбоку от удара чем – то тяжёлым. Запах разложения от него хоть и проникал в подвал, но одновременно отпугивал и желающих поинтересоваться, что же такое безмолвный защитник прикрывает.

3. Андрюша проснулся от короткого шороха. Открыв глаза, обнаружил себя лежащим на куртке старшины, с толстой книгой под головой. Рядом на книгах, разложенных прямо на полу, спал вернувшийся с поста Иван. Пальцы наткнулись на что-то холодное и продолговатое. – Винтовка, – понял мальчик и сел, поправляя сползающий ремень шведа с подсумками

и ещё каким-то барахлом. Из темноты почти бесшумно появился Шилов и молча подал кружку воды. Сгустившийся в подвале мрак давал понять что наступил вечер.

– Ну, давай знакомиться. Кто такой? Откуда? Как оказался на площади? – шепотом спрашивал майор у Андрюши, примостившись рядом и коснувшись подростка. Тот понял жест правильно. Мальчик помолчал, поправил разбитые очки, державшиеся на честном слове, потом пожал протянутую руку.

– Андрей. Прищепа моя фамилия. Там Петух – Андрей Петухов, – парень махнул в темноту в сторону книжного завала.

– Откуда вы тут?

– Мы из музыкальной школы шли. Тут грохнуло. Я когда очнулся, кругом горит, стрельба. Почти сутки в куче пролежал. Ногу вот зажало, болит. – Андрей поморщился и потёр голень, вновь напомнившую о травме ноющей болью, – Потом Андрея откопал – его мусором завалило, осталась одна нога. Он ей дверь машины качал, шуршал, а я услышал, да откопал его. Потом добрались до подвала, здесь отлёживались. Потом услышали бой, побежали туда. Там трое вас сбоку обходили, я заметил. На одного стену обрушили, второго из травмата, который нашли раньше, в упор я завалил, – он вылез на нас, убить хотел. Мы побежали, нас Виктор позвал, теперь вот здесь.

– Ну а с родителями что? Где они?

– Не знаю. Мама и брат оставались дома, когда началось. Я хотел туда пробраться, но сейчас это нереально. Да и Петух тоже, он на Каштаке живёт с мамой и папой. – Жил – поправился Андрей и тут же зашептал – Товарищ майор, возьмите нас в группу. Мы воевать хотим, сволочь эту долбить! Достали они! – поёжился Андрей, вспоминая коротковатый стол незнакомой автоматической винтовки, вскидываемой Пальме, – А домой мы потом, узнаем как-нибудь, у Андрюхи телефон остался. Найдём. – отрывисто шептал Андрюша. – Куда я вас возьму, вы дети ещё, вам домой надо, какая тебе война? Сам видишь, это не шутки тебе, тут убивают. А ну как тебе прилетит, или его грохнут? – майор кивнул в сторону Петухова, – Что я родителям вашим скажу, ну? Андрей насунился. Исподлобья прожигая на форме майора взглядом черные дыры, коротко и жёстко, не ожидая от себя подобного, сказал: – Какие мы дети вам? Мы двух бойцов завалили, сами, оружие взяли! Какие дети? Оружие взял – значит воин, солдат. А у воина возраста нет. Долг есть и Родина, а возраста нет. – Как пацаны воевали в Великую Отечественную? Воевали же. Мы чем хуже? Мы сможем, – продолжал Андрей. На шепот слов Андрея из темноты появился Петух, протянул Шилову оставленный здесь Андрюшей магазин с патронами, и тоже принялся тихо и яростно убеждать майора оставить их в группе. Жестом остановив ребят, майор сказал:

– У группы спросим, что они думают. А потом я приму решение. Пока остаётесь, а как выберемся, решим. Шилов растворился в темноте, а ребята сели у стены, сжимая в руках винтовки. В этот момент за дверью раздался шорох и она тихо приоткрылась. В отблеске мелькнула приземистая продолговатая тень и холодный собачий нос уткнулся Андрею в руку. Машинально погладив Лайзу, которая караулила с Виктором на крыше, Андрей задумался, как же убедить майора оставить их. Эти же мысли занимали Петухова, которому было значительно лучше, хотя страшно хотелось есть. Вдруг майор что-то шёпотом сказал, и подвал пришёл в движение. Из темноты появились еще более тёмные фигуры людей, собираясь вокруг офицера. Кто-то неосторожно звякнул автоматом, стукнув им о пол. На звякнувшего зашикали со всех сторон. Но оживление вызвало не это. С Лайзой в комнату вошли двое. Виктора Андрей узнал по шёпоту, а второй голос ему был не знаком, но окружающие явно знали его и возбуждённо перешёптывались, похлопывая по плечу.

– Вадик, ну как ты, цел?

– Откуда бронежилет? Швед поделился? – спросил кто-то, нащупав на бойце незнакомую амуницию.

– Откуда ты? Мы думали тебя убил пулемётчик, – говорил Ушаков.

– Ребята! Порядок, выбрался. АГС помог, спасибо старшине. Потом, доложить надо командиру, погодите с расспросами.

Вадим помялся и грустно произнёс:

– А Михалыча убил он, гад.

Все замолчали.

Вадим повернулся к Шилову, что-то ему шепотом доложил и передал в руки. Следом к майору подошёл Виктор и тоже что – то коротко сообщил. Майор кивнул и задумался. По сообщению наблюдателя выходило, что ночные поиски приостановлены, коалиция ограничилась усилением патрулей и контролирует временными блокпостами с поддержкой бронетехники узловые перекрёстки вокруг места боя и по периметру. Можно было рискнуть просочиться через их порядки, поскольку утром наверняка обнаружат, да и есть нечего. Так голод быстро выгонит наружу.

– Слушай мою команду, – объявил майор бойцам. – Выходим прямо сейчас, через подвал и первый этаж в сторону реки. Впереди Виктор. За ним остальные. Расчёт в середине, охраняют пацаны. Оба, кстати, Андреи.

– Двое из ларца, – тихо пошутил Кулиев, и все заулыбались.

– Отставить разговоры, – зашипел майор на Кулиева. Тот замолчал и вытянулся.

Шилов продолжил:

– Двигаемся быстро, перебежками. При движении соблюдать дистанцию до 20 метров, если в темноте разберёте. Кучей не идти, чтобы не покосили очередями. Ответный огонь по возможности не открывать, маршрут указывает Виктор, общее направление – к реке. Текущая задача – выйти к берегу и укрыться для подготовки к переправе. Переправиться – главная задача. Какие вопросы?

– А если кто отстанет или потеряется? – спросил один из бойцов расчёта АГСа?

– Кто отстанет, потеряется – выходит к реке и переправляется на ту сторону самостоятельно. Найдём.

– Ушаков, возьмите, – майор передал Сергею ремень с кобурой, в которой болтался тяжёлый пистолет.

– Откуда, командир? – изумился Ушаков. Остальные тоже немало были удивлены.

– Шведский капитан передал. Вадик говорит, тому больше не понадобится. Они поссорились с Карлссоном, тот загрустил. Вот и трофей. А фамилия на нашивке была указана. Документы его, что Вадим принёс, потом поглядим, авось сгодятся. – Понятно, – протянул Ушаков, цепляя ремень так, чтобы кобура оказалась за спиной, но не мешала гранатомёту. Обстановку разрядил Вадим, коротко рассказав про схватку с капитаном, когда во время обстрела АГСа они оба сунулись под одну перевернутую машину, да там и схватились.

В драке Вадик, в прошлом пожарник МЧС, насадил капитана, как он выразился, «на вертел», загнав в печень кусок арматуры. А когда быстро обшаривал труп, прочитал нашивку с весьма известной фамилией, и оставил на память листок с пропеллером, воткнув через листовку в спину уже мертвецу найденный у того перочинный ножик фирмы «Нора». Ножик было жалко, но очень уж хотелось оставить подарок.

Бойцы, услышав рассказ, тихонько засмеялись. Беседу прервал Шилов. – Всё. Проверить снаряжение. Подтянуть ремни и выходим. Кулиев и расчёт – доставайте свой агрегат. Да тихо там. – Иван, помоги пацанам с винтовками разобраться, только быстро, – приказал Шилов десантнику. Остальные бойцы потянулись к двери, предварительно подтянув ремни и попрыгав, проверяя подгонку снаряжения. Пацаны пыхтели, подгоняя ремни на винтовках, что даже в темноте оказалось делом простым, а ремни неожиданно удобными. Иван на ощупь показывал и в отблесках света быстро объяснял элементарные вопросы обращения с чужим оружием. Ребята оказались смышлённые и достаточно быстро уловили главное – как вставлять магазин,

где предохранитель и переводчик огня. Первым подвал покинул Витя. За ним тихо прошмыгнула Лайза, всё это время, пока ребята отдыхали, бывшая на посту с десантниками. Ребята вышли с майором и, взяв винтовки наизготовку, присоединились к бойцам Кулиева, тащившим АГС. Безмолвный защитник, привалившийся к стене и ещё несколько дней назад бывший простым инженером сетей водоснабжения Булатом Ахмедовичем Гасанбековым, проводил своих гостей безжизненным взглядом, в котором не было ничего, кроме смертельного безразличия.

Глава 7. БЛОК-ПОСТ

Так уж устроена психика человека, что ценность своей жизни он осознаёт лишь в момент явной опасности, когда нервная система оценит уровень угрозы как критический. В первом бою страшно всем. Поэтому зачастую именно второй бой решает, кто ты есть – воин или трус, солдат или паникёр. Способен ли ты противодействовать врагу или покажешь ему спину. Только экстремальные обстоятельства позволяют узнать себе цену. Первый бой для Андрея прошёл как-то сумбурно – страшно – интересно. Сейчас было страшно.

1. Блок – пост на перекрёстке Московского тракта, о котором предупреждал Виктор, был небольшим, но оживлённым, и состоял из смешанных сил. Четверо «егерей» с лёгким стрелковым, включая пулемёт, и небольшой британский разведывательный БТР fv-107 «Симитэр» («Шамшир»), с 30-мм автоматической пушкой, грамотно перекрыли дорогу, обеспечивая себе широкий спектр обстрела впереди и справа вдоль дороги. Слева перекрёсток перегораживали лёгкие полевые укрепления с амбразурами, у которых, переговариваясь по рации с механиком-водителем, нёс службу штаб-сержант 9 «фаертима» 16 Британской бригады Эдвард МакАллан и трое его бойцов. Здоровенный рыжебородый ирландец, всю свою жизнь проживший в Ливерпуле, куда его предков занесли нужда и поиски работы, и откуда 6 лет назад, в драке с местными футбольными фанатами сломав им несколько костей, весьма неожиданно для себя самого оказался рядовым на борту военного самолёта, везущего в Ирак

16 Британскую, вместо того, чтобы по многолетней семейной традиции угодить в тюрьму, был весьма недоволен. Мало того, что ему не нравилась вся эта дурацкая затея тупых политиков устроить на территории России какую-то демократическую реформу, так ещё и командир «фаертима» майор Стэнли Коул три дня назад, с самого начала миротворческой миссии, загремел в госпиталь с ранением бедра, когда какой-то чокнутый русский полицейский открыл по ним огонь из окон магазина. Новый офицер, лейтенант Уилл Бейтс, был редкостной сволочью и сержанта откровенно недолюбливал. Иначе зачем бы он отправил его, бывалого вояку, на блок – пост на Moskovsky trakt (чёрт бы побрал эти русские названия!), на целые сутки. Да ещё со скандинавами, которые делают вид, что ничего не понимают, и в целом не слушают его команд, хотя должны подчиняться. Штаб-сержант был третьим калачом и в Ираке научился ценить безопасность, когда в полевую столовую их подразделения вошла неприметная девушка, от которой, как и от пятерых бойцов, остались одни клочья после взрыва пояса шахида. Тогда он отделался ударом опрокинутого стола по голове и провалялся с сотрясением мозга неделю. Дженкинсу повезло меньше (или больше?) и он уехал домой без ноги. Сейчас Дженкинс жил в пригороде Манчестера и потихоньку пил. Эдвард верил только себе, и на душе у него было неспокойно. Сюда их кинули, потому что едва коалиция успела занять регион Tomsk (опять эти дурацкие названия!), как в этой «таёжной заднице» – так назвал район командир сектора полковник Парсонс, начались проблемы. Позавчера какой-то псих вышел перед патрулём на дорогу и когда стали проверять его, ударил ножом в пах рядового. Пришлось психа пристрелить. В тот же день пропал водитель 4 «фаертима» весельчак Джимми Шоу, коренной чёрный уроженец Стратфорда (Шилов немного ошибся). Вчера нашли его машину, откуда сапёры сняли из-под капота растяжку. А когда стали буксировать, шарахнула вторая, где-то под колесом, насмерть окатив пылающим бензиновым душем двоих ребят, сидевших на броне тягача. Машина тоже превратилась в дырявое ведро. Вообще, в городе было неспокойно. То тут, то там вспыхивали перестрелки, что – то горело, кого-то преследовали и задерживали, помещая в наспех организованный на городском стадионе фильтрационный лагерь для неблагонадёжных. А ведь всего третий день, как самолёт бригады сел на полосу местного аэропорта, захваченного группой 6 «фаертима», которой командовал его старый друг – сержант Алекс Минтон. Позавчера, когда они разместились в каких-то ангарах промышленной зоны,

Минтон, – бывалый солдат, умеющий убивать во имя демократии быстро и много, и у которого в этот раз тряслись руки, поделился с ним своими впечатлениями о захвате аэропорта с ещё одним безумным названием Bogashevo. Ну какой идиот мог придумать такое название? По словам Минтона, его группе удалось довольно быстро локализовать и уничтожить охрану аэропорта – полицейских и каких-то придурков в синей униформе с надписью «секьюрити», у которых ничего кроме газовых баллончиков и дубинок не было. Большую часть персонала аэропорта Минтон и его группа расстреляли прямо в зале. Ну, на всякий случай. Продвигаясь по территории, группа встретила неожиданное сопротивление в диспетчерской вышке. Там заперлись двое – молодой парень и какой-то старик. Оба отказались выйти, опустили защитную сетку, и через стекло наружной двери было видно, как они принялись крушить оборудование, чего нельзя было допускать, – задачей группы являлось обеспечение посадки основных сил. Молодой кинулся к сейфу, стал рвать и жечь документы. Пока Филипс и Коэн высаживали дверь, стекло которой оказалось бронированным триплексом, Минтон приготовил дымовую гранату, и метнул её в образовавшуюся дыру. Каково же было его удивление, когда граната с набиравшим силу потоком дыма, вылетела обратно и свалилась вниз, задымляя всё вокруг так, что пришлось напялить противогазы и рассредоточиться, чтобы при недостаточной видимости не пострелять друг друга. Вдруг из проёма в потемневший ядовитый воздух хлопнул пистолетный выстрел, и Филипс, страшно заорав, рухнул и покатился, упав на первый этаж, где продолжал извиваться и орать еще несколько секунд, превращаясь в факел, потому что огненный шмель сигнальной ракетницы попал ему под челюсть над броневоротником, напрочь пережигая сосуды и оплавляя остальное. Смерть была жуткой – всё-таки голова отгорела. Не раздумывая, Коэн дал очередь по стрелку на вспышку, и было слышно, как кто-то упал, попутно снося за собой приборы. Едва дым стал рассеиваться, на что понадобилось отвлечь троих людей, чтобы высадить несколько окон и попутно выкинуть шашку на улицу, Минтон с двумя членами группы ворвался в зал через проём и остолебенел. Молодой, что сжигал бумаги, лежал ничком на полу, поджав под себя ноги в луже крови. Рука его была сильно – до черноты – обожжена и сжимала обгоревший ворох бумаг, или точнее то, что от них осталось. Рядом, чуть в стороне, лежала древняя сигнальная ракетница – допотопный однозарядный пистолетище. Ещё дальше, лицом к разбитому окну, среди перевернутых столов и приборов на полу вяло сучил ногами старик, который часто силно прерывисто дышал, видимо получив сильное отравление. Ошибку допустил Уилсон, не усмотрев в старике угрозы, и подошёл к тому вплотную, ногой перевернув его на спину. Старик раскрыл уже мутнеющие глаза и слабо шевелясь, повёл по полу рукой, после чего у ноги солдата сверкнула короткая голубая вспышка и из Уилсона, мешком упавшего на старика, пошёл дым. Подскочивший Минтон дернул Уилсона на себя и выстрелил в деда. Но к этому моменту они оба были мертвы, и в диспетчерской носился стойкий запах человеческого дерьма (Филипс), палёного мяса (Уилсон) и едкого дыма (шашка), затекающий во все уголки и настойчиво напоминающий о провале. Только позже, когда дым развеялся, и на место прибыла команда военных медиков, выяснилось, что Уилсон получил поражение электрическим током в голень, – старик держал в руке мощный силовой кабель. Как при этом не убило самого Минтона, было неясно. За всю миротворческую операцию на Балканах в 90-е Минтон не потерял ни одного члена группы. А здесь за несколько минут сразу двоих. Командир группы лейтенант Фаулер подал по команде рапорт и теперь Алекса ожидали скорые разборки... От раздумий Мак Аллана отвлек шум рации – на связь вызывал штаб. Коротко доложив дежурному офицеру об обстановке, сержант посетовал, что «егеря» не очень – то ему подчиняются, после чего решил дать своим возможность перекусить и отозвал троих из четверых к БТРу.

2. Шилов и его бойцы подошли к блок-посту в темноте и долго изучали, как его обойти, чтобы без шума спуститься к реке. По всему выходило, что этого сделать не удастся. Слишком уж плотным был график движения патрулей на других улицах и блок-пост перекрывал все

возможные направления. Шилов задумался, и уже решил было спуститься под землёй, по ливневой канализации, пусть никто из группы и не знал там коммуникаций, но тут Ушаков предложил разделить на группы, одной из которых пошуметь в стороне, дав тем самым возможность остальным отойти, пока пост будет реагировать, затем скрыться. План был прост, но это и делало понятным его исполнение. Вадик с Ушаковым, взяв последние два выстрела к гранатомёту и дополнительный магазин к автомату, полученный в подвале от пацана в разбитых очках и там же пополненный из собственных невеликих запасов, замерли в развалинах правее БТРа, со стороны англичан. БУМ прикидывал дистанцию выстрела и возможные пути отхода. Пока он изучал обстановку на позиции, Вадим осмотрелся в ближних развалинах, где обнаружил полузасыпанный, но вполне пригодный для перемещения вход в цокольный этаж. Шилов с пацанами, Иваном и расчётом Кулиева подошли к посту слева, удерживая в поле зрения «егерей». Виктор с оставшимися вернулся вверх по дороге, и должен был отвлечь.

3. Всё сразу пошло не так. БУМ промахнулся. Точнее, выпущенная им граната ударила «Шамшир» в угловой скос брони спереди справа и рикошетом ушла вбок, разорвавшись в развалинах. Взрывом только разбросало поодаль куски бетона. Блок – пост среагировал мгновенно. Десантники юркнули под укрытия, кто куда. «Егерям» повезло меньше. Шилов резанул из «Печенег» и один из бойцов упал. Остальные нырнули за полевые укрытия, открыв беспорядочный, но плотный огонь, и выдавая себя вспышками выстрелов.

– Всем повторять мои действия, не стрелять, – произнёс Шилов и ползком быстро двинулся влево из сектора обстрела, обходя шведов во фланг. Группа рванулась следом. Переползание по камням в темноте, когда осколки бетона, стекла и арматура вот-вот порвут кожу, зажмут ногу или обдерут плечо, дело невесёлое. Пули строчками уходили в ночное небо, слепо и с визгом втыкаясь в остатки домов, рикошетили и крошили кирпич. Андрей полз вперёд, стараясь не поднимать зад, чтобы не словить случайный подарок, что получалось плохо – слишком уж рельеф был сложным. Пот со лба заливал глаза, затрудняя и без того весьма слабую видимость. Винтовку приходилось держать за цевьё, намотав ремень на руку. Очки держались на честном слове. Какой-то камень больно ударил по бедру, заставив дернуться и зашипеть от боли. Как Кулиев с расчётом тащили АГС, Андрей боялся и думать. Да и некогда было думать. Короткие команды Шилова помогали удержаться на поверхности, потому что где-то внутри заворочался противный и скользкий червяк по имени страх. Тут слева подал глухой звук Петух. Мельком бросив взгляд, Андрей ничего, кроме бесформенного силуэта поодаль, в темноте не увидел.

Шилов остановился за кучей мусора возле оконного проёма и зашептал:

– Всем продвинуться дальше, рассредоточиться. Пацанам не стрелять, расчёт – приготовить стрелковое. Тихо. Бойцы сноровисто, но бесшумно, достали автоматы, Кулиев подполз к Шилову и тот молча ткнул пальцем в сторону шведов, чуть левее, показывая как их обойти. Только сейчас Андрей сообразил, что Шилов заводит Кулиева на дальность броска гранаты. Подтянув и сжав покрепче винтовку, Андрей ждал команды, стараясь скрыть себя в темноте – отблеск очков мог выдать всех.

Почему-то молчала отвлекающая группа, ушедшая вверх по дороге. Кулиев и один из расчёта растворились в темноте. Спустя какие – то секунды возле шведского бронеколпака рванула ф-1, брошенная бойцом. Почему БТР пока не стрелял и не двинулся после первого выстрела, было непонятно, и это ещё больше пугало. Ребята не знали, что первая граната при ударе о броню оглушила мехвода, и тот просто не успел завести машину. Башенный стрелок же в этот раз изменил привычке быть за пушечным станком и подошёл к ужинавшим, тоже не успев пока вернуться, несмотря на распоряжения сержанта, – мешали стрельба и неразбериха, – и теперь проклинал себя за беспечность, нервно сжимая в руках свою L85. В эту же секунду с другого фланга опять ударил БУМ, целя в машину. Но и сейчас граната ушла мимо – помешала темнота. В этот раз выстрел разметал верхние ряды мешков с песком, за которым

скорчились британцы. Те не задержали с ответом и стали полосовать огнём развалины, разбившись на две группы по секторам. Но БУМ с Вадимом уже ринулись в темноту, обходя тех правее и соединяясь с командой Шилова уже за постом, – для отхода. У Шилова дело было плохо. Группа увязла в перестрелке и никто не мог поднять головы. «Печенег» выплюнул по шведам три короткие очереди и у него заклинило затвор – сказались долгое отсутствие чистки после напряжённых боёв и попавшая в затвор грязь. Группа осталась с лёгким стрелковым вооружением. Активно заработал шведский «миними» – пулемётчик, осмелевший после взрыва гранаты, и когда заглох «Печенег», азартно лупил в темноту, ведя подавляющий огонь. Андрей, да и все остальные поняли, что шведы прижимают их, дожидаясь поддержки и сделают всё, чтобы уничтожить. Шилов, тихо матерясь, лежал в нескольких метрах впереди и колотил чем-то по затвору, пытаясь оживить его. Неожиданно впереди и сбоку от Андрея из темноты по шведам оранжевой вспышкой шарахнула очередь, выбив искры из бронешита, и кто-то быстро пробежал. Тут пулемётчик «миними» заткнулся, видимо меняя магазин или укрываясь от ответной очереди. Шилов что – то рявкнул и, подхватив пулемёт, пригнувшись бросился в сторону укреплений. Тут же справа вскочил Иван, метнувшись следом, на ходу за шиворот срывая Андрея с кирпичей. Цепляя на ходу винтовку, тот кинулся вперёд, но через несколько шагов упал, попав ботинком между кирпичей и растянулся, в кровь разбив подбородок и локти. Вспышка боли породила не только звёздочки в голове, но и помогла собраться. Впереди слышались крики, кто – то залопотал по – скандинавски, тут же посыпались матерщина, ругань и дважды грохнул пистолет, потом ещё. В отблесках выстрелов Андрей лишь мельком заметил, что в укреплениях идёт потасовка. Но детали разобрать было невозможно – слишком быстро менялась картина. Ринувшись на помощь, мальчик совсем забыл, что справа, совсем рядом, автоматическая пушка и британцы. Чьи-то пули вспороли землю возле правой ноги, тут же взревел двигатель Шамшира, и Андрей кубарем покатился за кучу сломанной мебели, в спасительную темноту. Сердце выскакивало от ужаса, ладони и лохмотья куртки взмокли. Двигаясь ползком в сторону драки в укреплениях, где что-то хрустело, кто-то хрипел и то и дело раздавались выстрелы, Андрей увидел, как от начавшего движение броневика оторвались две рослых фигуры в сторону укреплений. Вскинув винтовку, Андрей нажал на спуск, ударив от живота по бегущим. Винтовка подпрыгнула и грохнула непривычным и каким-то чуждым уху звуком. Не ожидавшие отпора десантники прыгнули в стороны, повторив тот же манёвр, что и он сам три секунды назад. Выпустив короткую очередь, Андрей кинулся вбок, уходя с линии огня, и тут же с оглушительным рёвом низколетящего самолёта закашлял крупнокалиберный автомат БТРа, расчищая снарядами площадку, где он только что стоял. Спас только провал между двумя шалашом сложившимися бетонными плитами, куда он угодил, попутно получив несколько новых синяков и ссадин. Снаряд срезал верхнюю часть «шалаша», засыпав Андрея мелкими обломками и пылью. Закрывая ладонью затвор, он пополз вперёд, в сторону реки, туда, где в укреплении шла драка.

4. В это же время Вадик и БУМ, поначалу нырнувшие было от обстрела в полуподвал цокольного этажа, выскочили на англичан неожиданно близко. Ушаков успел среагировать и вскинул пистолет, выстрелив в ближнего бойца, залегшего между куч и целившего в сторону Шилова. Солдат хрюкнул и уткнулся ничком в приклад. Другой оказался быстрее и дал очередь навскидку, едва не задев Вадима, почувствовавшего над ухом исходящее от близкой пули тепло. Не вступая в перестрелку, оба поначалу кинулись дальше, опасаясь новой атаки, но Ушаков вдруг дернул Вадима за рукав и кивнул в сторону начавшей движение машины. Гранат не было. Вдруг у Шамшира заработала автоматическая пушка, пламенем выстрела хорошо осветив место. Вадик и Сергей, не раздумывая, кинулись под прикрытие брони, когда увидели, как с другой стороны машины двое побежали к шведам. Вдруг из темноты по ним простучала короткая очередь и камуфлированные зайцы ринулись в стороны. И это было хорошо. Один из англичан, скрываясь за бронёй, выбежал прямо на Вадима. Тот быстро шагнул влево, вски-

нул автомат и ударил десантника магазином «Калашникова» в лицо. От неожиданности или защищаясь десантник вскинул к лицу руки, но магазин с чавканьем впечатался над верхней губой, которую почти полностью оторвал, дробя на осколки передние зубы. Брызнула кровь. Ушаков сбоку выстрелил десаннику в бедро и пинком отправил под колёса БТРа, подхватив его винтовку. Тот вскрикнул, но тут же был раздавлен машиной. Второй находился где-то с другого борта. Не это было главным. На снаряжении погибшего висели две ребристые оборонительные гранаты. Вадик рывком сорвал одну и не раздумывая сунул её под башню, куда пришлось. Оба мгновенно отскочили за обвалившуюся стену и не дожидаясь результатов, ринулись вперёд и залегли. Позади рвануло и пушка замолчала. Вспышка осветила пространство впереди и Сергей увидел мелькнувшего среди шведских укреплений Шилова.

– Туда! – крикнул он, и поднялся было, но Вадим дёрнул его назад. Свалившись, Сергей непонимающим взглядом посмотрел на товарища. Тот мотнул головой, показывая назад, и отрывисто зашептал:

– Прикрыть надо. Там они, суки!!! Навалятся. За мной!

Вадик подхватил автомат и метнулся к позиции англичан. Там шипела рация и кто-то быстро говорил. Пробегая обратно мимо остановившегося Шамшира, Вадим не засёк на том каких-либо повреждений от гранаты. Но машина не двигалась. Похоже мехвод и артиллерист на этот раз были оглушены взрывом сильнее. Взобравшись сбоку и укрываясь насколько возможно за плоской маленькой башней, он попытался вычислить в темноте говорящего по рации, попутно контролируя люк, но Ушаков опередил его. Выскочив из за кормы БТРа, как чёрт из шкатулки, Сергей выстрелил из пистолета между разбруУдарными мешками и прыгнул в какую-то яму, почти скрывшись в темноте. На выстрел из мешков кто-то гортанно крикнул, и по Сергею ударила очередь. Тот замычал, покотившись между развалин. Размышлять было некогда и Вадим, подняв автомат, выстрелил одиночным на вспышку и спрыгнул с машины в темноту к Сергею. В ответ на выстрел из-за мешков понеслись явные ругательства, из которых он уловил только знакомое «shit!».

5. Осторожно, но уверенно подбираясь к месту потасовки, Андрей услышал, как правее – возле бронемашины – вспыхнула перестрелка и бабахнула граната, взвизгнув осколками, и сразу присел, но угрозы оттуда для себя не обнаружил и подобрался вплотную к бронешита́м. Один из них был опрокинут и на нём висел труп бойца из расчёта Кулиева с развороченной выходными отверстиями спиной. В проёме здоровый и рослый солдат в чужой форме, с чем-то огромным и плоским в руке навалился на Шилова, который, опрокинутый на спину, скрёб ногами по камням и уже хрипел, изо всех сил пытаясь противодействовать удушению. Пулемёт валялся в нескольких метрах в стороне. Поодаль мелькнули Кулиев и один из его бойцов, стреляя одиночными по кому-то в темноте. Шилова они не видели. Петух куда-то потерялся и помочь командиру было некому. Андрей вскинул было винтовку, но стрелять было нельзя – можно попасть в командира. Тогда он почему-то отбросил оружие и прыгнул десаннику на спину, визжа от ужаса и впиваясь грязными обломанными ногтями тому в щёку, а зубами пытаясь укунить в шею. Расширенными от адреналина зрачками Андрей до мельчайших подробностей увидел каждый волосок на шее штаб-сержанта, мелкие капельки выступившего пота и красноватую пыль, покрывавшую шею, какие-то очень мелкие песчинки – камешки и даже структуру ниток его униформы на засаленном воротнике над бронежилетом. 6. Драка с русским пулемётчиком почти закончилась победой, когда на Мак Аллана сверху обрушился визжащий бешеный долговязый тушканчик, впившийся ногтями в щёку и доставляя этим сильную боль. Пытаясь скинуть напавшего и одновременно не оставляя попытки задушить русского под собой, Эдвард изогнулся и повёл назад правой рукой, в которой, пытаясь убить им пулемётчика, держал верный, проткнувший в Ираке не один живот, десантный «файнберн», и попробовал уклониться, преодолевая боль. Но кинжал в тушканчика не попал – тот как-то отбил, и продолжал висеть крепко, вцепившись сержанту в лицо, истощно

орал, заглушая своим визгом выстрелы и хрипы задыхающегося, пытаясь порвать зубами шею и этим здорово мешая делу борьбы за торжество демократии. Огненная вспышка взорвалась в ухе, которое стали с нечеловеческой силой рвать цепкие лапки тушканчика. Показалось, что пополам рвётся вся голова. Потом по голове прогремели два выстрела, замолотив молотками по каске, отчего она превратилась в колокол, и он мгновенно оглох, ослабив хватку. Тушканчик куда исчез и его место занял свирепый медведь с огромным ножом – пилой, который молча приставил к горлу, надрезая кожу на шее, откуда брызнула горячая кровь. Штаб-сержант всё понял и поднял руки. – С-с-с-с-пасибо, – просипел полузадушенный Шилов Ивану и тут же врезал боковой справа штаб – сержанту в челюсть, затем столкнул того вбок, вылезая. Из носа и разбитой губы шла кровь. Утирая её рукавом, Шилов перевалился на бок, глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание, и сплюнул сгустком крови.

7. Андрей краем глаза уловил, как сержант отводит руку назад за спину, намереваясь его ударить, и выставил локоть, отводя атаку. В руке нападавшего блеснула сталь, до пяток наполнив пацана холодным, всепоглощающим, животным страхом, отчего он завизжал ещё громче и от охватившей судороги усилил давление пальцев, разрывая противнику кожу. Тот выкрикнул какие-то ругательства, пытаясь разбить схватившие его пальцы о камни, для чего как лошадь несколько раз резко мотнул головой. Почувствовав, как между пальцев потекла чужая кровь, а суставы пронзила острая боль, Андрей от ужаса озверел окончательно, одновременно пытаясь надавить коленом штаб-сержанту в поясницу, в спину – куда придётся, и уже плохо соображая, что делает. Извиваясь на спине противника, Андрей отчётливо видел мелкие капельки пота, выступившие у того на шее, тонкую красноватую пыль, покрывшую шею сержанта, структуру ниток на воротнике и тускло блеснувший через прорыв ткани чехла острый край каски, как вдруг отчётливо почувствовал в кармане нечто, давившее сбоку, и сквозь завесу ватного тумана в голове осознал, что это «Удар», который он сунул туда перед выходом. Мгновенно убрав руку от лица почти сбросившего его с себя штаб-сержанта, Андрей кое-как выдернул ствол и не глядя сунул его к голове десантника, нажимая на спуск. У того над ухом неожиданно громко бахнул выстрел и стальные обрезиненные шарики со звоном ударили в край краски, ударом отклонив голову сержанта вбок. Британец, не ожидавший такого, был слегка оглушен и чуть ослабил хватку. Это дало Шиллову драгоценные полсекунды, чтобы рвануться из-под противника и глотнуть воздуха. Андрей, продолжая что-то орать и одной рукой разрывать противнику рот, выстрелил в штаб-сержанта снова, и шарики опять угодили в каску, уже в районе затылка, отчего тот клонул носом вперёд. – Хех! – задыхающийся Шилов, услышав сильные хлопки выстрелов над головой душившего, изо всех сил добавил чуть ослабившему хватку противнику кулаком сбоку, и потащил с себя, попутно размазывая по униформе текущую из разбитого носа кровь. Штаб-сержант сдавленно охнул, выпуская воздух из пострадавшего от удара лёгкого, но попытки сбросить долговязого тушканчика не прекращал, продолжая удерживать и Шилова. Из темноты кто-то набежал на звук и обрушился на Андрея сзади, подмял под себя, сильно ударив чем-то, похоже прикладом, в поясницу. Выронив «Удар», Андрей скатился с сержанта, переворачиваясь на спину, лицом к нападавшему и вскидывая к лицу руки. Живот свело от ужаса, – вот – вот убьют! Выброс адреналина в кровь прибавил сил, и он стал извиваться по камням, пытаясь уйти от противника, отчаянно визжа от страха. Тот действовал умело и сноровисто, до ослепительной боли ударив по травмированной голени, отчего у Андрея мгновенно закружилась голова. Рядом – в нескольких метрах (!) впереди всё ещё дрались откатившиеся туда Шилов и штаб-сержант, отчаянно матерясь каждый по – своему. Шиллову приходилось непросто, – он держался из последних сил.

Встретившись взглядом с атаковавшим его молодым крепким бойцом в британской униформе, Андрей понял, что шансов у него нет. Вдруг взгляд нападавшего изменился с озлобленного на удивлённый, и мальчик увидел, как изо рта у того хлынула кровь, заливая бронежилет и куртку, а из кадыка, прорывая кожу, появилось острие огромного медвежьего ножа. Из тем-

ноты возник Иван, выдергивая нож из шеи десантника, и молча оттолкнув Андрея, прыгнул к штаб – сержанту и Шилову.

Надо было двигаться, бой всё ещё шёл, и с трудом оттолкнувшись от земли, Андрей поднялся, перевернулся на живот, нашаривая свою винтовку, и встретился взглядом с мертвыми глазами десантника с распоротым горлом. С трудом подавив в себе приступ рвоты, быстро на четвереньках подобрался к мертвецу и стал дрожащими окровавленными руками стаскивать бронежилет, из кармашка которого торчала небольшая рация. Это не удавалось и тогда, плюнув на труп, он, сам не зная зачем, выхватил рацию и кинулся к поясу и разгрузке, где на ремнях висело снаряжение. Кое-как перевернув погибшего на спину, Андрей ударил по застёжке, быстро расслабил ремень и потянул его на себя, уперевшись ногами тому в бок. Взгляду попалась красно-белая эмблема «Нападающий орёл» на рукаве и грязная нашивка с наименованием части, где Андрей разобрал только «16 Royal ...fantry». Изучать было некогда. Над головой и где-то совсем рядом ударила короткая очередь «миними», и он откинулся на спину, не прекращая попытки достать ремень и судорожно дёргая липучки разгрузки. Наконец она поддалась, и спихнув труп ногами – тот перекатился с кучи вниз, – Андрей выдернул снарягу на себя. Нашупав на разгрузке продолговатый металл, выхватил из крепления средних размеров пистолет с угловатым ребристым стволом и необычной лёгкой пластиковой рукояткой, и сразу понял: «Глок! 17-й!!!». Машинка была знакома по прочитанным описаниям, и зажав оружие в руке Андрей передёрнул затвор, досылая патрон, затем подхватил свой шведский «Бохфорс» и закинул за спину L85 погибшего. Напоследок злорадно пихнув английский труп ногой (куда только делись сострадание и гуманизм!), повернулся в сторону Шилова, но там никого уже не было. «Миними» тоже замолчал. Подобравшись к месту борьбы Андрей руками влез во что-то мокрое и липкое, и отдёргнув их, на коленях двинулся дальше. Тут ладонь наткнулась на продолговатое и острое. Уколов ладонь Андрей поначалу убрал руку, но сразу ощупал предмет. Это оказался тот самый десантный нож, который, обрадовавшись находке и чертыхаясь, кое-как по-разбойничьи он сунул за пояс. Из темноты сбоку опять хлопнул выстрел, на этот раз одиночный из АК и оттуда появились два силуэта – Вадик тащил на себе БУМа. Опять загрохотало впереди, в стороне реки, куда двигалась группа. – Помоги!!! – быстро сказал Вадим и вдвоём они ползком поволокли Сергея вперёд и влево, обходя место боя через развалины. Вдруг позади, вверх по дороге куда ушла отвлекающая группа, что-то сильно рвануло, и в ночное небо поднялся столб огня, со вздохом расправляя плечи и сполохами осветив разрушенные кварталы. Следом загрохотали очереди. – Подкрепление прислали – угостили их наши. – громко, задыхаясь, прошептал Вадим, – Давай отходим, ниже туда. К реке. Как Шилов приказал, – продолжал он. Тащить было трудно, – мешали две винтовки и разгрузка, которую Андрей повесил на шею. Вадим тащил свой автомат и пистолет Ушакова на ремне, но молча протянул руку, забирая разгрузку у пацана. Ставший пока бесполезным гранатомёт раненого он сунул в дыру между развалин, надеясь, что тот не обнаружат. Перераспределять остальное оружие было некогда. Ушакова зацепило куда-то справа, и там постоянно выступала кровь, от потери которой тот стремительно слабел. Бой, длившийся для Андрея бесконечно долгие четыре с половиной минуты, понемногу затихал, но вверх по дороге шло настоящее сражение – то и дело срабатывали автоматические пушки или крупнокалиберный пулемёт, а засада огрызалась. Витя со своей немногочисленной командой действовал умело. – Стой, помочь надо и передохнуть, – завернув за полуразрушенное здание сказал Андрей. Вадим блеснул внимательными глазами в темноте, перевёл взгляд на поникшего Ушакова и молча усадил того возле стены. Сергей застонал. – Тихо Серёга, – зашептал Андрей, – нельзя шуметь. Неожиданно позади послышалось лёгкое шуршание и чьё-то дыхание. Бойцы прислонились к стене и замерли, вскидывая оружие. В проём, блеснув глазами, сунулась знакомая собачья морда.

– Тьфу ты, Лайза, напугала! – обрадовано прошептал Андрей, опуская пистолет.

Что было с остальными, неясно. Надо было быстро спускаться к реке.

8. – С-с-сука, чуть не задушил, – прохрипел майор. Иван молча кивнул и ответил: – Уходить надо, пока не очухались. С этим что? – ткнул он пальцем в штаб-сержанта, лежавшего на животе, с сильно поцарапанным лицом и уже заплывающим на глаз огромным багровым кровоподтёком. – Всё, уходим. Этого с собой. Допросим – Шилов громко свистнул, подавая сигнал. Впереди, уже за блок – постом мелькнул привставший из развалин Кулиев, и дав короткую очередь из «миними» по британцам, прятавшимся у борта молчавшего броневика, махнул рукой, обозначая себя. С ним был кто-то ещё. Иван с майором ринулись вниз по склону.

На ходу Шилов подцепил отброшенный в драке заклинивший «Печенег».

Иван пнул штаб-сержанта и встряхнул за шиворот, поднимая:

– Вставай, красавчик! – И толкнул того впереди, быстро стянув запястья сзади куском подобранной проволоки. Своим же ножом Иван сноровисто разрезал пленному шнурки на высоких ботинках. Шилов понимающе хмыкнул.

– Ладно, двинули.

Тут оба обернулись назад, где в начале улицы грохнул взрыв, поднялся высокий столб огня, осветивший местность и понеслась перестрелка. Шилов радостно улыбнулся: – Вот и Витя подключился! Дай Бог. Да поздно что-то. Иван пожал плечами и толкнул пленника вперёд.

– Двигай, скотина! Затем коротко доложил:

– Тут пацан был. Этот, очкарик, на басурмане твоём висел, когда я подскочил. Он морду врагу разукрасил. Не знаю куда делся.

– Да что ты! Он, значит, англичанина шуганул! Молодец! Где он? Где второй? – Шилов заволновался и быстро огляделся. Но рядом никого не было. Времени на поиски тоже не было. В темноте было не разглядеть, что Андрей в это время валялся за полуобвалившейся стеной ниже по склону, и как раз доставал «Глок», за грохотом перестрелки не слыша слова майора. – Чёрт, мальчишек промогал, идиот! – ругал себя Шилов, бегом уходя с пленным и группой в темноту. По пути присоединился Кулиев и один из его бойцов, тащившие АГС. Рядом из развалин поднялся Петух – один из пацанов. Увидев, что тот цел, Шилов вздохнул с некоторым облегчением, но судьба второго продолжала его тревожить.

– Где Вадик и Серый? – На бегу уточнял Шилов.

– На правом фланге были. Не видел их – на бегу быстро ответил Кулиев, закинув за спину «миними» и перетаскивая с бойцом АГС. Его автомат и коробку с патронами нёс вооружённый до зубов своим, чужим и трофеями Петух. Ему было тяжело, но парень молча семенил с остальными.

– Ясно, маршрут они знают, выберутся. Всем к реке – скомандовал Шилов и прибавил. Пацана очкастого видел? – быстро кинул он вопрос Кулиеву.

– Не. Как за бронешиты зашли, там не было его. Я бы не пустил, точно. Рустам вот погиб – в грудь его достали – также на бегу ответил сипящим голосом старшина.

Командир промолчал, – на войне потери неизбежны и увы, являются её слишком обыденной частью. Дальнейшее движение через кучи мусора, ночные сгоревшие дворы, смердящие сладковатым ядовитым запахом раздутые трупы и другие картины войны, во множестве наполнявшие рельеф, проходило молча. Слышались только пинки по подгоняемой Иваном английско-ирландской заднице.

Позади на дороге продолжался бой, то и дело выбрасывая в небо строчки трассеров и оранжевые сполохи разрывов.

Глава 8. БАБА КАТЯ

Андрей жалел, что так и не удалось разжиться новой одеждой, поесть, и хоть немного поспать. Постепенно эти насущные бытовые мысли, от которых сейчас зависело главное – бое-способность и выживание, вытесняли из головы разные переживания, сожаления о том, что нет возможности поговорить с мамой, увидеться с братом, да и вообще как-то заслонили собой всё то, что ещё три с небольшим дня назад было таким привычным и не казалось столь значимым. Андрей помнил о родных и что нужно их отыскать, но сейчас важнее было выжить и суметь уйти. Важно и помочь Сергею. Он был ранен и без срочного вмешательства было не обойтись.

Сознавая, что из врачей здесь только он со школьным курсом биологии, анатомии и ОБЖ, да Вадим, который этот курс давно забыл, Андрей постарался вспомнить всё, что знал о пра-вилах оказания первой помощи раненым и первым делом принял меры по остановке кровоте-чения. Без этого идти дальше было бессмысленно – придётся похоронить товарища в связи с геморрагическим шоком – кровопотерей. Кое-как, но осторожно ощупав в темноте место ранения, Андрей определил, что пуля вошла под ключицу и сидела глубоко – не достать без инструментов – зажима или хотя бы медицинского пинцета. Или как там его называют, лангет что-ли. Ранение было болезненным и сильно кровоточило. Андрей вздохнул и собрался было оторвать от остатков своей грязной и вонючей от пота рубахи кусок, чтобы сделать импрови-зированной повязку для остановки крови, как вспомнил, что на Лайзе был ошейник. Тихонько подождав собаку, Андрей погладил её и снял его, прикидывая, хватит ли длины обвязать ране-ному вокруг руки. Длины хватало и Андрей, подложив под ремень не очень чистый лоскут, быстро стянул ошейник выше раны, ограничивая кровоток. Обработать её было нечем, и как останавливать сейчас воспалительный процесс, Андрей не представлял, на ходу прикидывая к этому возможности. Коротко передохнув за импровизированной перевязкой, трое и собака побрели через развалины и кривые переулки.

Сергей с каждой минутой слабел и всё сильнее задыхался. Вся его одежда была густо пропитана кровью и Андрей, пытаясь его хоть как-то осмотреть в темноте, занервничал и рас-терялся.

Поняв, что Андрей медлит, Вадик быстро привёл его в чувство.

– Эй, соберись, помочь Серому надо, – пихнул он в бок.

Неожиданно Андрей остановился и зашипел на себя сквозь зубы.

– Ну конечно! В разгрузке британца должна быть аптечка или хотя бы бинт! Тут же, при-сев за какой-то отвисшей дверью, Андрей дёрнулся и засуетился, судорожно зашарив по тро-фейной разгрузке.

Вадим тревожно посмотрел на него.

– Подсвети, где-то медпакет здесь.

В разгрузке, в одном из карманов, действительно оказался небольшой медкомплект – бинт, какая-то мазь, не разобрать в темноте, небольшой шприц-тюбик. – Промедол навер-ное – подумал Андрей, зная, что в стандартный набор войсковой аптечки входит такой обез-боливающий сильнодействующий наркотик, главным свойством которого является то, что он не вызывает привыкания. Дёрнув упаковку бинта, Андрей быстро соорудил из него подобие тампона, зубами оторвал этот кусок и сунул Сергею под одежду на входное отверстие. Вадик, тихо ругаясь, шарил вокруг и через пару минут, пока Андрей, закусив губу и чертыхаясь про себя, сооружал второй тампон, также нервно чиркнул зажигалкой, закрывая еле поднявшийся огонек от сквозняка спиной и спрятавшись в угол черного с распахнутой дверью подъезда. Запалив какую-то тряпку на проволоке, Вадик, пряча свет от обнаружения, поднёс огонь ближе к Андрею, от которого в темноте были видны только белки глаз. В мерцании слабого пламени

Андрей наскоро осмотрел раненого, насколько это было возможно. Аккуратная кровотокающая дырочка чуть ниже ключицы показывала, что ранение пулевое и скорее всего задето лёгкое или какой-то крупный сосуд – кровь не прекращала поступать. Андрей тут же вспомнил, что в аптечке солдата обычно присутствует кровоостанавливающий порошок – гемостатик и британцы обычно пользуются продукцией Celox.

– Сюда подсвети – тихо сказал Андрей. Вадим подвинулся ближе и увидел, как Андрей потрошит содержимое аптечки, откуда вывалился ему в руку небольшой светлый пакет.

– Ну вот он – удовлетворенно прошептал пацан и надорвав пакет, стал сыпать его содержимое на рану. Кровь зашипела, образуя на входном отверстии розовую пену. Удовлетворенно кивнув, Андрей сунул на место импровизированный тампон и опять скомандовал – Сюда свети, помоги – и осторожно взял раненого за плечи, пытаясь осмотреть ему спину. Вадик помог наклонить Ушакова, отчего тот застонал, но в себя не пришёл. Со спины, на изодранном спортивном костюме визуально ничего понять было невозможно, и Андрей осторожно запустил в прореху руку, пытаясь определить расположение раны.

– Ну, что там? – беспокоился Вадик, с волнением сжимая автомат.

– Нету выходного – озадаченно-огорчённо прошептал Андрей, продолжая осторожно ощупывать спину в надежде обнаружить рану. Рука наткнулась на опухоль на лопатке и Андрей от неожиданности дернулся.

– погоди, тут что – то, опухоль вроде. Наверное пуля застряла в лопатке – зашептал Андрей, – вынимать надо, чёрт. Мысли встали нараскоряку – кровопотеря сильная, состояние раненого ухудшается, из медицины – кусок бинта, промедол и ещё какая-то ерунда непонятная. Чем пулю вынимать, где, как? – все эти вопросы молнией промелькнули в голове, но течение мысли оборвал шорох на лестнице этажом выше. Вадик мгновенно вскинул автомат, скрывшись в темноту, Андрей сжал в руке пистолет.

– Эй, внизу, сюда давайте! – громко прошептал женский голос сверху – И своего тащите. Быстро! – спускался голос и на лестнице возникла смутно различимая фигура с малюсеньким розовым светодиодным фонариком в пол.

– Ты кто? – спросил было Вадик, но фигура повторила громким шепотом – Быстро, военные кругом!

Андрей и Вадим, не сговариваясь, молча подняли Ушакова и потащили на второй этаж, в приоткрытую дверь квартиры.

В квартире было темно, но фигура шевелилась в коридоре, и вдруг на полу возник небольшой источник света – одинокая свеча в стареньком подсвечнике. Обернувшись, фигура, указывая рукой в комнату, прошептала – Сюда! Тихо вы, слоны, на диван, – и зашла следом, лучом фонарика обозначив направление.

– Нельзя ему лёжа, подключичное ранение, горячо зашептал Андрей. Фигура, оказавшаяся пожилой уже женщиной лет 60 – 65, молча кивнула и показала как удобней расположить Ушакова. От перемещения наспех сделанная повязка и тампон у раненого сползли и стала сочиться кровь, но уже не так обильно.

Ребята тяжело дышали и усадив раненого, сами опустились на пол, положив на колени оружие.

– Екатерина Александровна, – представилась женщина, мельком бросила взгляд на раненого и вышла. Через минуту вернувшись, Екатерина Александровна принесла ковшик воды, какие – то медикаменты, тряпки и стакан.

– Кто перевязывал? – глянув на бинты, спросила она.

– Он – Вадим показал на Андрея – и кровь тоже останавливал.

– Слабая повязка – бросила женщина, – Что с ним?

– Пулевое ранение под ключицу – ответил, поднимаясь, Андрей.

– Крови много потерял. Входное есть, а выходное от пули я не нашёл, зато какой-то бугор на лопатке. Наверное пуля там застряла.

– Ясно, помогите. Женщина передала Вадиму фонарик и набросила ему на руку наволочку, отчего свет фонарика стал приглушённым и более ровным.

Андрей помог снять, а точнее срезать с Ушакова остатки спортивной куртки и Екатерина Александровна, аккуратно и быстро обтерев тому грудь, внимательно осмотрела входное отверстие. Сергей находился в бессознательном состоянии, сильно потел и был горячим.

– В рану попали нитки и грязь, что весьма хреново, – мрачно констатировала Екатерина Александровна, – но есть и хорошие новости – похоже что – то серьёзное не задето, признаков крови в лёгких нет. Дышит он хоть и сипло, но без пены или крови изо рта. И это хорошо – опять повторила она.

– А вот бугор на спине – это похоже действительно пуля, – снова заявила женщина, внимательно и быстро осмотрев указанное Андреем место, – и надо срочно её вынимать.

– А ты молодец, – одобрительно глянула она на Андрея, – помог парню-то: кровь остановил, рану правильно определил, да и крови, смотрю, не особо избегаешь. Видимо врачом тебе светит?

Андрей немного смутился и сказал – Ну вот думаю...

Екатерина Александровна, которую Андрей про себя уже почему-то прозвал Бабой Катей, одобрительно похлопала его по плечу и тут же преобразилась в железного командира – Ну-ка взяли его, в положение полулёжа с спинке дивана. Ты – указала на Вадима – на кухню, принесёшь еще воды, и там висит тонкий шланг – захвати. Давай. Вадик исчез с фонариком

– Посвети – обратившись к Андрею. Андрей поднял свечку и Баба Катя сноровисто и как-то привычно что ли, стащила с раненого грязные остатки штанов и кроссовок (второй где-то потерялся), попутно обрабатывая неизвестно откуда появившимися куском ваты и раствором из пузырька царапины и ссадины. Сергей опять застонал и очнулся, с трудом разлепив глаза.

– Серый, порядок, это врач, – быстро заговорил Андрей. Сергей повернул на него взгляд и опять отключился.

В комнате появился Вадик с банкой воды и тонким шлангом. Баба Катя шагнула к шкафу и вернулась с шариковой ручкой, разбирая её на ходу. Корпус ручки она воткнула в шланг, туго прихватив соединение куском бинта. В банку бросила две таблетки, которые предварительно размяла до порошка ложкой, которой и размешала раствор.

– Что это? – Андрей указал на таблетки.

– Антибиотик – левомецетин и парацетамол – сейчас вводить будем, температуру съём и заражение оттянем – деловито ответила женщина.

– Рот ему разожмите – скомандовала она, и Андрей с Вадимом осторожно немного оттянули раненому нижнюю челюсть. Быстро вставив в рот импровизированную капельницу, Екатерина Александровна подняла банку так, чтобы раствор понемногу по капле через маленькую дырочку в корпусе ручки просачивался в рот, помогая впитываться лекарству.

Обработав ещё раз входное отверстие, женщина наложила новый тампон и закрепила его пластырем. – Теперь пока всё, до утра ничего не сделаем уже.

– Ну, мойте руки и давайте знакомиться, – устало улыбнулась она, двигая севшим за стол бойцам банку консервированной рыбы в масле и наливая по стакану холодного чая.

Только тут Андрей вспомнил, что ел когда-то давным – давно, и сполоснув руки небольшим количеством воды придвинулся к банке, зацепив вилкой в полумраке самый как ему показалось большой кусок сайры, который водрузил на полученный зачерствевший хлеб и медленно прожёвывая съел, памятуя, что если медленно и тщательно прожёвывать пищу, насыщение происходит лучше и быстрее. Вадик, как оказалось, тоже был знаком с этим правилом и ели неторопливо, прихлёбывая чай небольшими глотками.

– Вы что – ли там нашумели? – кивнула женщина в сторону блок-поста.

– Ну, мы – переглянувшись неохотно ответили оба.

– Понятно уже. Завтра уйдёте, сейчас вам не прорваться, больно уж разозлили вы этих, этих... – Екатерина Александровна замешкалась, подбирая подходящее выражение своему отношению к захватчикам, – ... бандитов. Раненого оставите здесь, нельзя ему двигаться. Я врач, в Афганистане довелось с ранеными-то. Одна теперь живу. Муж умер два года как.

Не бойтесь. Русские своих не сдают, – уверила она засомневавшихся ребят.

– Парню отлежаться надо. А ты, в очках, помогать завтра будешь, – указала она пальцем на пацана.

– Меня Андрей зовут, – насупился тот. Помогать буду. Что нужно сделаю. А Серёга мой друг, жизнь нам спас, вот пулю и поймал, там же у блок – поста. Но мы тоже морды им начистили, – со злобой произнёс мальчик, – пусть знают. Наглые слишком, козлы!!!

– Да тихо, тихо, – остановил его Вадим.

– Я Вадим, из отряда нацгвардии. Андрюха к нам недавно прибил, вместе теперь воюем. Такие дела. А вы кто?

– Я живу здесь, врач – терапевт по специальности. В своё время – когда училась в медицинском вышла замуж за курсанта – связиста,. Потом гарнизоны, поехала за ним в Афганистан. Там обши-и-и-и-рная практика получилась. Потом СССР рухнул, перестройка, районная больница. Так и постарела. Муж вот умер, родных никого не осталось, куда мне ехать? Живу вот, пенсию получаю – вздохнула она, – А тут эти... – Екатерина Александровна кивнула на улицу, где то и дело мелькали огни и слышался отдалённый грохот двигателей.

Андрей, слушая бабу Катю, от усталости и сытости постепенно уплывал в тёплый сон, мягкой пеленой окутывавший его, уже переставая различать картины реального и мнимого, и не понял, когда и как Екатерина Александровна и Вадим осторожно спустились в подъезд, где тщательно собрали свежие окровавленные бинты, пакет из под Целокса и прочие свидетельства их пребывания.

Вернувшись, Вадим и Екатерина Александровна Симонова, так её звали, застали Андрея спящим на столе рядом с кружкой недопитого чая. Во сне он чему – то улыбался, подвинув под щеку ладонь. На руку был намотан ремень ставшего уже таким близким «Босуорта».

Взглянув на спящего подростка, Вадик вздохнул и вкратце пересказал Екатерине Александровне историю их встречи, не раскрывая деталей состава и численности отряда и всех прочих таких подробностей, а также обстоятельств военных действий.

Выслушав Вадима, Симонова долго молчала, и сосредоточенно осмотрев раненого, который беспокойно застонал во сне, сказала:

– В городе будут усиливать режим. Не сегодня – завтра начнут регистрировать население, проверять дома. И так день и ночь стрельба. Соседям тоже вас ни к чему видеть. Мало ли какие тут люди живут, неизвестно что у них на уме. Вам самим тоже есть что делать. Так что завтра пересидите день, и в ночь двигайте. Вадим молча кивнул.

– Раненый с нами уйдёт?

– Нет, его оставите. Завтра пулю вытащим. Кое-какие лекарства у меня есть, думаю, что в ближайшее время с этим будет трудно и вам их просто не достать, тем и угробите парня. А ему уход нужен. Ничего, справимся – улыбнулась она в темноте.

– Давай вот этого солдата переложи – Симонова указала на спящего очкарика и тяжело вздохнула:

– Не думала я, что опять настанет время школьников с автоматами.

– Сам тоже спи, не беспокойся, тут осталось – то до рассвета...

2. Андрей проснулся от небольшого шороха – сработало проснувшееся чувство опасности – инстинкт самосохранения проявил себя. В дверном проёме появилась Симонова.

– Тихо встаёшь, в ванной приводишь себя в порядок, потом на завтрак. Скептически оглядев одежду, а точнее воняющее рваньё, отметила – И это всё снимай, экипироваться будем.

Разматывая ремень винтовки на запястье и разминая затёкшую и частично онемевшую руку Андрей первым делом спросил:

– Как Серый?

– Худо ему, но антибиотик вовремя дали, есть надежда что выкарабкается. Пулю будем вытаскивать, поэтому мойся лучше, будешь ассистировать.

Андрей вздохнул и стал стягивать с себя одежду. Что-то мешало на спине, и из-за ремня он вытащил тот самый старый медицинский справочник, наличие которого не давало свалиться изодранным джинсам. Обложка и первые десяток страниц были разорваны поперёк и на них отчётливо отпечатались угловой продолговатый след приклада.

Андрей вспомнил сильный удар в спину, поваливший его вперёд во время свалки на блок-посту. Показав справочник остальным, он объяснил причину повреждения. Симонова, с полной серьёзностью выслушав его, осмотрела поясницу. Та немного отзывалась болью, но была цела.

– Д-а-а-а, воистину медицина защищает наше здоровье, – указывая на справочник протянула она. Бойцы улыбнулись, и эта простая шутка помогла разрядить накопившееся напряжение и смотреть вперёд с оптимизмом.

– Теперь храни справочник, – вернула она книгу Андрею, – да изучай.

Андрей кивнул и направился в ванную.

Воды оказалось немного и, стараясь её экономно использовать – всё-таки водопровод не работал – Андрей старательно вымылся, насколько это было возможно, обтёрся стареньким, но чистым полотенцем и бросил случайный взгляд в зеркало. Оттуда смотрел похудевший с поцарапанным лицом подросток с разлохмаченной мокрой головой, сбитыми руками и кругами под глазами. Андрей почесал нос и обернулся, обнаружив на полотенцесушителе чистое и великоватое бельё, которое не задумываясь тут же натянул на себя. Подхватив винтовку (а как же?) и остатки одежды в другую руку, тихо прошёл в комнату.

Баба Катя выглянула из-за дверцы открытого шкафа и, глянув на подростка, строго сказала:

– Тебе и самому надо медпомощь оказывать. Вон какой ободранный весь.

Действительно, на пострадавшей при взрыве ноге ниже колена чернела большая гематома, грозившая воспалиться гнойным абсцессом, на руках были глубокие и чреватые теми же неприятностями царапины, да и лицо было посечено.

– Садись и не ори. На вот, зажми зубами, – Симонова протянула Андрею небольшую подушку, и пока он, едва усевшись, совал предмет в рот, быстро полоснула чем-то острым по ноге, которую обожгло горячим. Андрей не сразу понял, что врач не дала ему опомниться, и вцепился в подушку только когда Екатерина Александровна начала вычищать и обрабатывать рану, что было ОЧЕНЬ больно. Обработка других царапин показалась уже не такой неприятной. Через несколько минут Андрей, приходя в себя, уже светил свежей повязкой на ноге и пластырями на руках. От пережитого пошатывало, но процесс оказался полезным.

В шкафу бабы Кати оказался настоящий склад военной и туристической одежды.

– От мужа осталось и моё кое-что, пояснила она, – мы раньше вместе по лесам любили на рыбалку ездили.

Но пока изучить склад не удавалось, необходимо было помочь Сергею.

Тот был в сознании и молча выполнял все указания, выпив мелкими глотками полстакана воды с растворенными в ней тремя таблетками кетонала (промедол бабка решила оставить на крайний случай). Затем Сергей лёг и тоже зажал во рту подушку.

– На удивление, операция по извлечению пули показалась Андрею достаточно простой и быстрой. Баба Катя, сноровисто обработав какой-то остро пахнущей хлором химией участок кожи, раскатала на столе рядом с диваном небольшую мягкую брезентовую сумку с полевым хирургическим набором, осторожно ощупала и тщательно осмотрела бугор на лопатке. Вадим

стоял на подхвате с чистыми тряпками и кастрюлей горячей (!) воды, нагретой на туристической газовой горелке, благо у Симоновой остались два таких баллона. Андрею баба Катя показала последовательность подачи инструментов и вкратце объяснила как тот или иной называется. Убедившись, что Андрей всё понял, приступила к работе. Ушаков дёрнулся и замычал, когда сделав быстрый надрез, баба Катя оттянула кожу, затем проникая внутрь каким-то заковыристым то ли пинцетом, то ли захватом. Серый завопил ещё сильнее, потом дёрнулся и обмяк, потеряв сознание. Кровь хлынула ручьём, заливая диван, и как показалось Андрею – всю комнату до потолка. Через минуту на простынь упал небольшой черный кусок металла и баба Катя, убрав инструменты, обработала рану, потом наложив сверху пластырь.

– Всё, теперь спать будет и лекарства принимать. А вы идите, подбирайте там себе чего – кивнула она на шкаф.

Окровавленные бинты и простыни Вадик и Андрей рассовали по пластиковым пакетам и решили забрать с собой, после чего стали изучать имущество, поскольку из прежней одежды у Андрея остались только полуразвалившиеся от приключений туфли. Всё остальное превратилось в невообразимое тряпье. Особенно колоритно в этой куче выглядели рваные и заляпанные чем-то вперемешку с кровью джинсы и лохмотья куртки без рукава и с половиной другого.

Андрею более-менее подошли только вещи Екатерины Александровны – в молодости она была стройнее. С ботинками вышло лучше и ему достались принадлежавшие покойному Симонову американские Merrell, удобно севшие на ногу. Вадик предпочёл простой армейский камуфляж «березка» и привычные ему армейские же берцы, но с усиленной подошвой. Парни также взяли и куртки.

За подгонкой снаряжения, осмотром оружия и скромным обедом прошёл день и сумерки заглянули в окно. Сергей беспокойно спал, и Екатерина Александровна периодически подходила к нему, осматривая и поправляя если надо подушки.

– Как пойдём? – Андрей обратился к Вадиму. Тот помолчал и спустя пару минут выдал:

– Командир назвал точку сбора, значит туда. У нас много снаряжения, оружие лишнее, надо бы его пристроить. Да и на чём переправляться?

– Скажите, у вас случайно нету резиновой лодки, с вашим-то туристическим запасом? – обратился Вадим к Симоновой.

– Лодки вот нет, палатка. Но есть надувной матрас. Подойдёт? Только он старый, проверить надо.

– Давайте посмотрим.

Екатерина Александровна полезла куда – то на антресоли и вскоре скинула оттуда сверток, оказавшийся китайским (а чьим же ещё?) надувным матрасом Интекс. Андрей вспомнил, что часто видел такие тёмно-синие плюшки, отдыхая где-нибудь у воды. Эти вспоминая отошлись в душе глубокой болью и сожалением. Андрей тяжело вздохнул.

С матрасом всё оказалось плохо – он безнадёжно разошёлся и треснул по шву, и применить его как плавсредство было невозможно, несмотря на попытки Вадика заклеить дырки. Но как изолирующий от воды материал он годился и поэтому было решено обмотать им выданные бабой Катей туристические рюкзаки, набитые всевозможным туристическим добром и запасной одеждой. Укутанный в куски матраса рюкзак удобно сел на подогнанную разгрузку, куда Андрей тщательно и с максимальным для себя удобством рассовал остатки боеприпасов, две круглые гранаты, трофейную рацию и остатки медпакета, пристроив «файнберн» сбоку, а Глок, почищенный с помощью Вадика и остатковполученного от бабы Кати машинного масла – в штатное крепление. Вес, конечно, оказался немалый, плюс «Босуорт» и прочее, но бросать имущество было жалко – каждый предмет по – своему был ценен и незаменим. Теперь Андрей по – настоящему стал понимать, что важным, например в обуви, является не внешний вид, а удобство, и наличие в туристическом рюкзаке жесткого станка, прилегающего к спине, куда как значимее иностранной наклейки производителя, или в смартфоне – простой функционал

набора номера и передачи СМС явно нужнее чем набор закачанных оболванивающих игр или нелепых программ вроде тех, что для просмотра фильмов в Интернете, главная цель которых – заставить тебя что – то купить на нужном сайте.

Оговорив с бабой Катей возможность связи и условные сигналы, парни собрались уходить.

– Постой, – баба Катя протянула Андрею небольшую серую сумку через плечо, похожую на противогазную, – Ты ведь вроде врача теперь, боевое крещение как доктор получил. Значит тебе и носить. Здесь лекарства кое-какие, небольшой набор инструментов для маленьких операций, вата, йод, ну вообще что смогла найти. Бери, вам пригодится – дрожащим голосом сказала пожилой врач.

Андрей помолчал, повесил через плечо сумку.

– Спасибо, – треснувшим от волнения голосом проблеял он и отвернулся, чтобы не плакаться.

По общему решению бабе Кате ребята оставили трофейный пистолет гранатомётчика с боезапасом. Британскую L85 она не взяла, сославшись, что её трудно прятать и к винтовке совсем чуть патронов.

– Ну что, с богом – прошептала Симонова, обнимая ребят.

– Баба Катя, вот ещё! – Андрей заволновался и заторопился, – дайте бумагу и ручку.

На тетрадном листочке Андрей торопливо написал два адреса и одну небольшую схему, как добраться.

– Это наши адреса с моим другом, Андреем Петуховым. ОН с нами воюет. Сообщите родителям, если сможете.

– И это передайте моим – Андрей залез в кучу брошенного тряпья и выдернул из джинсов свой старый ремень, протянув его Симоновой,

– Пусть ждут.

– И это, – Андрей от волнения почесал нос, – спасибо Вам за всё, – сказал он и, покопавшись в разгрузке, протянул одну из гранат.

– На всякий случай, возьмите.

– Баба Катя взяла ремень и гранату. На глазах у неё выступили слёзы.

– Передам по возможности. Берегите себя.

– Пора, – из полумрака подал голос Вадим.

Андрей подобрался и натянул обнаруженные среди снаряжения туристические перчатки с обрезанными пальцами. В них оружие держать удобно.

Симонова тихо приоткрыла дверь и быстро вышла во двор. В подъезде и рядом было тихо. В восточной части города слышалась перестрелка и по Московскому тракту и улицами выше то и дело гудела двигателями техника.

– Давайте, двигайте. Счастливо. Про связь не забывайте.

И бойцы тихо выскользнули в ночь. Мусор пришлось запихнуть в провал какой-то ямы метрах в ста от дома, присыпав его каким-то хламом и обломками штукатурки.

3. Двигаться по ночному городу, в развалинах, среди чёрных улиц и провалов, совсем недавно бывших зданиями и городской инфраструктурой, было трудно. Вадим взял средний темп, обоснованно полагая, что нигде нельзя задерживаться – постоянно снующие там и сям машины, обозлённые постоянными атаками и обстрелами патрули, чьи маршруты и графики движения также неизвестны – всё это создавало нервность и заставляло быть предельно осторожными. Это и спасло...

Спускаясь самыми темными закоулками к реке, Вадим мучительно думал, как всё же переправиться? Искать надувные средства времени не было, да и где их ночью возмёшь? Лодка – это вообще из области фантастики. По всему выходило, что надо импровизировать.

Дорога к реке заняла больше часа – Вадим то и дело останавливался, прячась за препятствия, прислушивался и только после этого делал очередной короткий рывок.

Вот впереди между домов блеснула вода.

Бойцы лежали за поваленным деревом и Вадим пытался что-то разглядеть на берегу. Вдруг ближе к воде справа послышались шаги и негромкий разговор. Андрей вжался в землю и ему очень захотелось стать прозрачным. Ладонь крепче сжала цевьё винтовки.

Неожиданно Вадим, знаком показав оставаться на месте, вскочил и перебежал на десяток метров в сторону. Там смутно угадывался угол здания и по всей видимости, выход из двора на улицу. Вдруг Андрей увидел в той стороне пляшущий в воздухе красный огонёк.

«Сигарета! Свои курить не будут!» – молнией понеслись мысли.

Трое десантников из состава британского патруля спускались к реке.

– «Хозяева нахрен! Мы вам покажем, кто тут хозяева, подождите!» – за этими мыслями Андрей едва не упустил Вадима, бесшумно появившегося сбоку.

– За мной – едва прошевелил губами тот, и, пригнувшись, растворился в темноте. Андрей побежал за командиром. После небольшой перебежки последовала остановка.

Мальчик огляделся и понял, что они обошли патруль левее и находятся почти у самой воды – выходи и плыви. Но патруль тоже вышел на берег и остановился метрах в тридцати, подсвечивая воду фонарями и негромко переговариваясь. Из слов Андрей разобрал только «... река...». Один из десантников продолжал курить.

– К бою – одними губами прошевелил Вадим.

Андрей потянул было Глок из крепления, но Вадим замотал головой, указывая на винтовку.

Тихо сдвинув предохранитель, мягкий щелчок которого показался мальчику грохотом камнепада, Андрей выставил винтовку вперёд.

– Не стрелять, – Вадим тоже изготавился к стрельбе, но стал выжидать.

Всё решили сами десантники. Покурив и продолжая негромко разговаривать, они двинулись вдоль берега в сторону бойцов, подсвечивая фонарём вокруг.

– Назад, – прошептал Вадим и стал отползать назад, оставив на месте рюкзак. Андрей тоже пополз, но не так ловко, – нога попала в кучу мусора, звякнуло и посыпалось стекло.

– Hey!!! Who is it? Come on!!! – донеслись выкрики патрульных и быстро приближающийся топот. Впереди справа заметался свет фонаря.

Холодный ужас захлестнул Андрея с головы до ног, но он не успел осознать этого до конца.

Сзади за бегущими патрульными ночь разрезали пополам вспышки выстрелов, – Вадик дал очередь из своего АК-74.

– Go guys! Fire! – заорали патрульные. Вадим дал вторую очередь, вышибая искры из прибрежных камней. Кто – то из патруля вскрикнул, в ответ на вспышки из темноты замолотили уже трое.

Андрей вскочил, подхватив винтовку, пригнулся, и пользуясь тем что патрульные отвлеклись, лавируя между препятствий бросился в потасовку. Стрельба нарастала. Вадим лавировал и вел огонь короткими на вспышки ответных очередей, сразу меняя позицию, отчего поначалу казалось, что стрелков несколько. Но десантники быстро поняли, что стрелок один, расценив случайно разбитое Андреем стекло отвлекающим манёвром перед атакой.

Подобравшись поближе, Андрей условно определил по вспышкам расположение только двух стрелков. Третий молчал. Сев за какой-то бетонный блок, подросток быстро выглянул и уже хотел было дать очередь по стрелку, как слева кто-то засопел и на блок сверху запрыгнул один из патрульных.

– Третий! – Андрей вскинул было винтовку, но зацепился стволом за проволоку. Шум услышал десантник и тут же прыгнул обратно, на ходу дав очередь назад по блоку. Пули выбили

крошку сверху и Андрей, не дожидаясь гранаты и оставив застрявшую в крючках арматуры винтовку, на четвереньках бросился вбок вдоль блока. Рыбкой нырнув наугад в темноту, дернул Глок. Патрульный не был дураком и тоже укрылся. Но действовал так, как его учили, и действительно бросил за блок гранату. Фосфорная «L84», используемая, как правило, в пересечённой местности, здесь сыграла с патрулём злую шутку.

Вспышка, оплавляя бетон до состояния стекла, не только не поразила противника, которого там уже не было, а напротив, отгороженная блоком, стала ярким ночным фонарём, свет которого хоть и резанул Андрея по глазам, но и дал возможность заметить, что метнувший гранату враг обходит блок слева, и движется прямо на скрывшегося в яме подростка, которого попросту не видит. Андрей вскинул пистолет и движимый страхом выпустил патрульному с трёх метров полмагазина в живот. Пули размесили тому пах и подброшенный ударами продукции Люгера, десантник отлетел назад и рухнул в кусты. Андрей бросился вперёд, уходя от источника света, по пути наступив на труп, и слышал, как завопили остальные патрульные, увидевшие взрыв. Фосфор ярко шипел, распространяя удушливую ядовитую вонь. Впрочем через несколько секунд десантники уже ни на что не отвлекались. Вадик обошёл их сзади и приложил длинной очередью в спину, затем, прислушавшись, свистнул:

– Андрюха, жив?! Сюда!

– А-А-А-А!!! – подбегая, Андрей со всего размаху растянулся на земле, запнувшись за продолговатый предмет и больно ударившись локтем.

Вадим подобрал и включил фонарь одного из патрульных.

– Быстро, уходим! – отрывисто прошипел он Андрею и кинулся вдоль берега к рюкзаку. Вскочив, Андрей тоже было метнулся за ним, но случайно бросил взгляд на подло уронивший его элемент обстановки, который оказался большим и широким пластиковым подоконником, под углом торчавшим из нанесённых из реки веток, неведомым путём оказавшийся на берегу. План созрел мгновенно и Андрей, закричав, потянул подоконник на себя. Из темноты появился Вадик с двумя рюкзаками и оружием.

– Чё застрял? Давай быстро! – зашипел он Андрею и сунул имущество, – Уходим!

– Тут переправа есть! – зашептал в ответ Андрей, указывая на подоконник.

Вадим понял всё. Включив фонарь, он ринулся обшаривать окрестности и через полминуты с довольным видом вытащил похожий кусок пластика.

По улице сверху замелькали фары, послышался рев двигателя на повышенных оборотах. Надо было уходить. Не сговариваясь, бойцы пробежали вдоль реки ниже по течению и, скрывшись за выступом берега, тихо вошли в воду.

На ходу Вадим подобрал широкий обломок картона, попутно сунув Андрею продолговатый кусок исковерканного металлического листа:

– Весло тебе, греби.

Судорожно сглотнув и содрогнувшись от неприятной и такой свинцово-холодной воды, Андрей кое-как залез на плавучий гроб, и его подхватило течение. Плыть в темноте со всем барахлом и винтовкой на пластиковом подоконнике и грести при этом корявой железкой было страшно и за время переправы его обуревали самые разные жуткие картины собственной гибели в холодной грязной воде суровой сибирской реки. К тому же дул пронизывающий ветер и в мокрой одежде Андрей стал коченеть. Где находился Вадим было непонятно, сигналов или звуков он не подавал и подросток остался один на один с окружающей его глубиной, таившей в себе тысячу угроз, каждая из которых имела один исход. Чтобы не свалиться в воду и не поддаваться нахлынувшему страху, мальчик, навалившись на рюкзак и оружие и с трудом удерживая равновесие, стал осторожно грести, в основном полагаясь на силу течения, которое уносило его всё дальше от дома...

Глава 9. ШУМЕЛ СУРОВО ТОМСКИЙ ЛЕС

1. Подоконник мягко ткнулся в противоположный берег и от неожиданности этого закончивший на ветру Андрей, и без того весь мокрый, потерял равновесие и свалился в холодную воду, отчаянно пытаясь не утонуть. Но ноги нащупали вязкое как мягкое масло илистое дно, и это ощущение принесло огромное облегчение. Молча выругав про себя известными и донельзя неприличными словами за собственную трусость и панику, мальчик огляделся, и стараясь как можно тише выбраться на берег, толкнул свой импровизированный плот вдоль прибрежной полосы, после чего, еле передвигая окоченевшими ногами сам с трудом вышел на берег и упал на пахнущую илом и какой-то обычной речной тухлятиной траву. Андрей понимал, что в таком положении нельзя находиться и если продолжать оставаться неподвижным, переохлаждение неизбежно приведёт к дальнейшему сужению сосудов и острой сердечной недостаточности. Помереть на грязном берегу от остановки сердца после всего пережитого ему не улыбалось и преодолевая себя он с трудом поднялся на колени и стал понемногу так ходить по кругу – на руках и коленях, повышая этим кровяное давление в сосудах. Затем аккуратно встал и начал понемногу приседать, наплевав, что на другом берегу к месту стычки подъехал, судя по звуку двигателя, бронетранспортёр «Р-302» и мечутся с фонарями несколько оккупантов, постепенно удаляясь от реки вверх, в противоположную от побега сторону. Через четверть часа усиленной разминки, почувствовав себя куда как лучше, несмотря на мокрую одежду, мальчик оттащил рюкзак и оружие глубже на берег за кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.